Военное детство

В. ВЕЛИКАНОВ

ПИРАТ, ИЩИ!

с 1933 г.

Пират, ищи!

Василий Дмитриевич Великанов

Аннотация
Василий Дмитриевич Великанов. Пират, ищи!
Сокол
Боевое крещение Миши и Воронка
Как Сокол стал бояться воды
«Аккуратный почтальон»
Гибель Альфы
Казачонок
Прыжок
Разбойник и Мишка. (Рассказ сержанта)
Дружок
Подвиг санитара
Вперед, Волчок!
Лебёдка
Пират, ищи!. (Рассказ вожатого-сапера)
Норка

Аннотация

Автор этой книги – ветеринарный врач Василий Дмитриевич Великанов (1906–1985). С первых дней Великой Отечественной войны он был призван на фронт – в ветеринарный лазарет, ведь в борьбе против фашизма людям немало помогали животные. Вы прочтете рассказы о лошадях, которые служили в коннице и в обозе; о собаках – саперах, связистах, почтальонах и подрывниках; и даже о верблюдах, встретивших Победу в Берлине.

Для среднего школьного возраста.

Василий Дмитриевич Великанов
Пират, ищи!

© Великанов В. Д., наследники, 1969
© Годин И. М., наследники, рисунки, 1969
© Курбанова Н. М., иллюстрации на переплете, 2023
© Составление, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023
ISBN 978-5-08-007021-1

ДОРОГИЕ ДЕТИ!

Четверть века я проработал ветеринарным врачом, был и на фронте. За эти годы немало повидал неприметных героев в мирном и ратном труде. Вот об их подвигах я и хочу вам рассказать.

Но вместе с тем мне очень хочется поведать и о животных, чья жизнь и судьба тесно связаны с человеком в труде и в бою: то это доморощенный рысак Сокол, пострадавший от волчьих зубов, то собака Альфа — «аккуратный почтальон», которая спасла меня и Сокола, то верный пес Дружок — подносчик патронов, погибший на могиле хозяина. Или несравненные «живые тягачи» — верблюды Разбойник и Мишка, а то истребители танков — Волчок, Шарик и Полкан, поводырь слепого — «ученая» Норка, быстроногая Ласточка, дважды спасшая от гибели шестнадцатилетнего конника Петю Сердюка, и, наконец, миноискатель Пират, с помощью которого вожатый Лёнькин разминировал блиндаж.

Немало через мои руки прошло четвероногих пациентов, и я лечил их так же внимательно и любовно, как медики лечат человека. Присматриваясь к животным, я замечал, что не все они на одно «лицо», как думают некоторые люди:

у каждого свои привычки и повадки, свой «характер». Открывать эти особенности у «братьев наших ме́ньших», проникать в их внутренний мир, понимать их поведение, желания, нужды и, в конце концов, умело управлять ими — это очень интересно и поучительно. Тем более что в общении с людьми собака и лошадь учатся понимать всякий язык и способны проявлять к человеку привязанность и благодарность. Да и сами животные, как и птицы, при общении друг с другом применяют свою особую сигнализацию, свой «язык».

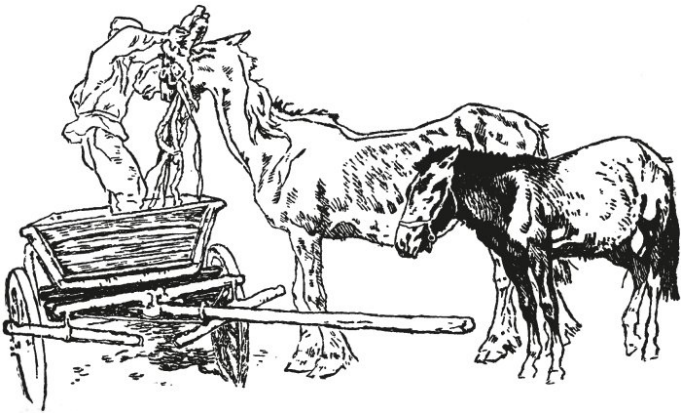
Тысячелетиями находясь в общении с человеком, домашние животные стали значительно «культурнее» и «умнее», чем их дикие предки. Особенно это заметно на собаке, самом верном друге человека.

Все, что написано в этой книге, — правда. В основу своих рассказов я положил истинные события — то, что видел и пережил сам или близкие мне люди.

Посвящаю ее моему школьному учителю-другу А. В. Фёдорову, который вложил в меня первые зерна любви к жизни и литературе.

Автор

Сокол

Однажды ранним утром, во время моего дежурства, в ветлечебницу привезли необычного пациента, и, когда сняли с него попону, которой он был прикрыт, я ужаснулся: в повозке лежал, весь в ранах, окровавленный жеребенок.

Привез его старший конюх колхоза «Рассвет» Иван Агапович Владимиров.

— Вот какой... и войны нет, а весь израненный, — сокрушенно сказал он. — Проморгал мой Мишка...

Около повозки понуро стоял небольшой паренек лет четырнадцати. Лицо у него было обветренное, нос в шелушинках.

Заметив мое недоумение, Иван Агапович пояснил:

— Волк его порезал.

Медлить было нельзя, и я побежал на квартиру к врачу. Александр Алексеевич Фёдоров жил тут же во дворе, в отдельном домике.

Врач осмотрел истерзанного жеребенка и покачал головой:

— Да-а… Изуродовал он его сильно.

— Александр Алексеевич, он ведь у нас от племенной матки. Может, как-нибудь выходим, а? — спросил Иван Агапович, с тревогой и озабоченностью заглядывая врачу в глаза. Александр Алексеевич прощупал у жеребенка позвоночник, ноги и сказал, обращаясь ко мне:

— Впрочем, кости и суставы, кажется, не повреждены.

Крови много потерял. Ну что ж, Василий Николаевич, попробуем полечить… Иван Агапович с сыном осторожно подняли жеребенка и понесли его на попоне в манеж. Жеребенок почувствовал, что его уносят от матери, приподнял голову, задрыгал ногами и тоненько заржал. Матка от-

ветила ему ржанием и пошла вслед за ним, едва не ворвавшись в манеж вместе с повозкой. Дверь манежа закрыли. Матка неистово ржала и копала землю копытами. Пришлось ее выпрячь и ввести к сыну. Лишь там она успокоилась.

Жеребенка положили на хирургический стол. Ввели кровь. (У нас в лечебнице стоял конь Воронок — донор.) Лишь после этого мы приступили к операции. На теле маленького жеребенка оказалось семнадцать ран! И многие из них рваные, глубокие.

Пришлось некоторые зашивать, а кое-где и обрезать лохмотья кожи. Несмотря на обезболивание, жеребенок иногда вздрагивал и порывался встать. В такие моменты его мать тянулась к нему мордой и тревожно ржала.

Иван Агапович успокаивал ее:

— Ну-ну, дурочка. Ничего с твоим малышом не сделается. Все хорошо будет. У всех конюхов такая привычка: они разговаривают с лошадьми, и им кажется, что лошади их понимают.

Во время операции, придерживая голову жеребенка, Миша посматривал на мои руки. Его заинтересовала наша работа.

Возились мы с жеребенком часа два. Устал я и даже вспотел от волнения. Впервые мне

пришлось делать такую сложную операцию. Александр Алексеевич помогал мне и руководил всем ходом операции.

После обработки ран мы наложили клеевые повязки, и темно-серый жеребенок стал пестрым.

Иван Агапович, довольный, улыбнулся.

— Вот какой пегаш стал, и не узнаешь. Теперь небось выживет? — спросил он, обращаясь к врачу.

— Трудно сказать… — уклончиво ответил Александр Алексеевич. — Может быть, и выживет, если волк был не бешеный. Придется оставить жеребенка в стационаре.

— Ах ты! — озабоченно сказал Иван Агапович. — Такое сейчас время горячее, а тут лошади приходится лишаться. Ну, что ж поделаешь, от матки сосунка не оторвешь. Придется тебе, Мишка, тут оставаться, а я корму привезу.

— Введите жеребенку противостолбнячную сыворотку, — приказал мне Александр Алексеевич.

Врач боялся столбняка: в раны попала земля.

Жеребенка с матерью поместили в просторный денник, который был похож на комнату с решетчатой дверью.

Миша Владимиров ухаживал за ними: кормил, поил, чистил и мне помогал, когда я менял по-

вязки и обрабатывал раны. Ростом Миша был невелик, но телосложением крепыш. В работе расторопный и любознательный. Я рассказывал ему о болезнях, показывал в микроскоп микробов, давал читать книги.

Раны у жеребенка зарастали хорошо, без осложнений. Иван Агапович, приехав как-то проведать своего питомца, сказал:

— Вот, Мишка, гляди, что наука делает. Учись. Может, и ты когда лекарем будешь.

Мы подружились с Мишей. Главного врача он почему-то побаивался и робел перед ним, а ко мне, молодому практиканту, относился более доверчиво и просто. Может быть, потому, что мы были земляками и по возрасту я недалеко от него ушел.

Как-то вечером, на досуге, Миша рассказал мне подробно о происшествии с жеребенком. — Поехал я с ребятами в ночное в Песчанку. Пырей и острец там, сами знаете, во! По колено. Лошади, как попадут туда, оторваться не могут. Ну, приехали, пустили лошадей, а сами костер развели, картошку стали печь и сказки рассказывать. А у табуна двоих дежурных поставили: Саньку Учаёнкова и Тимку Полканова. У Саньки дробовик в руках. Но спать все равно никому нельзя.

Волки по ночам рыскают. А тут так получилось. Я днем работал и здорово умаялся, а как стали сказки рассказывать, лег на спину и стал на небо глядеть. Гляжу и думаю: откуда все это взялось — звезды, луна, земля, люди? Вот так думал, думал и задремал. Вроде слышу голоса ребят и вроде как сплю. Сла-адко так! Вдруг слышу, кто-то крикнул: «Во-олки!» Ребята на крик побежали. Вскочил я — и за ними. Слышу, затопали лошади — земля загудела — и куда-то в сторону понеслись. Гляжу, а наша Ночка с волком бьется. Волк жеребенка рвет и утащить хочет, а Ночка ему не дает: бросается на зверя и хочет его копытами трахнуть, да, видно, боится ушибить своего сынка. Закричали мы во весь голос и на волка бросились — кто с кнутом, кто просто так, а я с вожжами. Испугался зверь — прыг в сторону и скрылся. Подбежали мы к жеребенку, а он кровью истекает.

Миша умолк и тяжело вздохнул.

— Вот какая история… — сказал он. — Отец меня винит, а я что? Учаёнок виноват. У него ружье было, а он не стрелял. Боялся, говорит, в жеребенка попасть. Струсил, наверно. Он у нас такой — только на словах храбрый. А тятя сказал, что я — сын старшего конюха — лошадь не сберег.

Запачкал, говорит, нашу фамилию и подорвал

авторитет…

Миша задумчиво нахмурился и опустил глаза.

Время от времени жеребенка осматривал Александр Алексеевич и говорил:

— Хорошо. Очень хорошо. Рука у вас, Василий Николаевич, легкая. Хирургом будете.

Мы с Мишей радовались успешному лечению, и через месяц жеребенка выписали. За ним приехал Иван Агапович и благодарил:

— Спасибо, Александр Алексеевич. Не думал я, что жеребенка на ноги поставите.

У жеребенка на тех местах, где были раны, образовались беловатые шрамы, и при ходьбе он немного прихрамывал на правую заднюю ногу.

— Это ничего, постепенно разойдется, нужно проводку делать и массаж с пастой, — напутствовал главный врач.

Иван Агапович взял баночку с лекарством и еще раз поблагодарил врача.

Я провожал их со двора, а на прощание Иван Агапович сказал:

— И тебе спасибо, Вася. Как окончишь свой институт, к нам приезжай работать.

Жеребенок бежал вслед за телегой и временами как-то смешно подпрыгивал.

Прошло несколько лет. После окончания института сначала я работал в Дагестане и в Прикаспии, а потом меня потянуло в родные места.

Село наше в саратовском Заволжье большое, много там и земли плодородной, и скота.

Приехал я в село осенью в сороковом году. Год был богатый, урожайный. Открыли осенний базар. Не базар, а целая ярмарка. Понавезли туда столько всякого добра, что глазом не окинешь: и хлеба, и мяса, и саней, и дуг, и одежды, обуви, яблок, арбузов… И скота разного понавели. Крутилась нарядная, цветистая карусель с деревянными конями, размашисто, с визгом качались на качелях парни и девушки, песни пели под звонкоголосые переливы саратовских гармоник с колокольчиками.

Над густой толпой колыхались на веревке большими разноцветными гроздьями воздушные шары. На горячих плитах, в глубоких противнях, непрерывно кипело подсолнечное масло, и в нем вздувались и жарились кусочки белого теста. Люди ели оладьи и похваливали: «Эх, хороши чи́брики!»

Недалеко от базара, около старой, давно закрытой церкви, был расположен контрольно-ветеринарный пункт. Здесь мы производили осмотр животных, приведенных на базар для продажи. В этой работе мне помогал ветеринарный фельдшер Михаил Иванович Владимиров. Это был

тот самый Миша, который когда-то «проморгал» жеребенка.

После того несчастного случая он так увлекся ветеринарным делом, что поступил на годичные курсы младших фельдшеров и работал теперь в районной лечебнице. Он вырос и еще больше поплотнел. Походка у него была неторопливая, вразвалку. Работу свою Миша очень любил и делал все аккуратно.

День был светлый, солнечный. Стояло золотое бабье лето. Тянул ветерок и нес куда-то в степь длинные серебристо-белые паутины.

Я взглянул на часы и сказал Мише:

— Пора обедать.

В это время к контрольному пункту подъехал на тарантасе пожилой человек с седыми усами. В упряжке был высокий, темно-серый, в яблоках, конь. Человек спрыгнул с тарантаса и, сняв черную фуражку, громко, весело приветст вовал:

— Мое вам почтение, Василий Николаевич!

Подошел и протянул мне руку.

— Что, не признаёте своих земляков?

— Как не признать? — ответил я. — Признаю́. Только куда у вас, Иван Агапович, борода-то делась?

— Убрал я ее, Василий Николаевич. Помолодеть хочу.

Борода-то теперь не по жизни…

Он махнул рукой в сторону коня и сказал:

— Видали, каким красавцем стал наш Сокол? И умница.

Где поставлю, там и стоит как вкопанный. А бегает — вихрем!..

Иван Агапович был навеселе — оживленный, раскрасневшийся.

Я не мог от Сокола отвести глаз. Большое серое тело его серебрилось на солнце. Красавец!

— У нас теперь конеферма в колхозе — любо посмотреть, — хвалился Иван Агапович. — Нет такой во всем районе. Я там старшим. Приезжайте, Василий Николаевич, покажу…

Мы подошли к упряжке, и за нами привалила толпа любопытных, которых всегда много на базарах и в праздничные дни.

— Вот глядите, товарищи, какой конь! Волк его совсем изуродовал, а Василий Николаевич вылечил. Да. — Он обнял меня рукой за плечи и продолжал: — А почему вылечил? Потому, что он ученый, ветеринарный доктор. Земляк. Сын плотника Николая Митрофаныча Воробьёва. Знаете? Садись, Василий Николаевич, порадуй старика. Прокачу с ветерком!

Мне стало как-то неловко от похвалы Ивана Агаповича, но, чтобы не обижать его, я согласился немного проехаться. На корпусе и на ногах у коня я заметил неровные белые пятна. На тех местах, где были шрамы, выросли белые волосы.

Иван Агапович сел в тарантас справа от меня и, взяв в руки мягкие тесемочные вожжи, чуть шевельнул ими. Конь сразу пошел широким шагом.

— И не хромает? — спросил я.

— Нет, немного припадает правой задней, и то когда полной рысью пойдет.

Мы выехали на широкую накатанную дорогу, которая вела за село, к пруду. До пруда было километра полтора. По этой дороге я бегал когда-то с ребятами на купание. Издали виднелась плотина и на ней раскидистые ветлы с пожелтевшими кронами.

Иван Агапович слегка натянул вожжи, и конь перешел на рысь.

— А ну-ну, милок, пошевелись! — ласково и вместе с тем повелительно проговорил Иван Агапович.

Сокол сразу понесся широкой рысью, и чем туже натягивал вожжи Иван Агапович, тем все быстрее и быстрее бежал конь. Потом пришел такой момент, когда конь разогрелся, и Иван Агапович с молодой удалью крикнул:

— Э-ге-ге-ге! Мила-ай! Надда-ай, родима-ай!

За тарантасом заклубилась пыльная завеса, как вода под винтом теплохода. Сокол полетел какой-то необыкновенной рысью. Он сразу стал

как будто длиннее и бежал таким широким, плавным махом, словно летел на невидимых крыльях. Черный с блесткой хвост вытянулся до тарантаса и струился кудрявыми волнами. Занавеска густой гривы рассыпáлась и трепетала от ветра. Земля под тарантасом стремительно убегала назад, а ветер упруго, будто платком, бил в лицо. Только теперь я понял, что значит проехать «с ветерком». Чтобы не вылететь где-нибудь на ямке, я ухватился за тарантас и крикнул:

— Полегче, Иван Агапович, полегче! А то тарантас рассыплется!..

— Не рассыплется! — кричал вошедший в раж Иван Агапович. — Давай, давай, родимый! Держись, Ва-ася!

Обратно мы ехали шагом. Сокол порывался было перейти на рысь, но Иван Агапович придерживал его: — Ну, спокойно, дурачок. Разгорячился. Бежать хочется?

Меру надо знать.

Иван Агапович довез меня до дому и, прощаясь, сказал:

— Мне бы моего Мишку в ветеринарный техникум отдать. Пусть учится дальше. Помоги ему, Василий Николаевич, подготовиться.

Я обещал помочь Мише, и мы всю зиму вечера-

ми занимались с ним. Миша занимался усердно, и я был уверен, что он поступит в техникум. Но пришло лето сорок первого года, и все наши хорошие планы рухнули…

Война ворвалась к нам в жаркий летний день, когда мы заканчивали покос и начали убирать ячмень.

В первый же день, в воскресенье, нас с Мишей вызвали в райвоенкомат и поручили новую работу. На другой день, с рассвета, на большую базарную площадь привели из колхозов сотни лошадей. Их надо было осмотреть и принять в армию. Председателем приемочной комиссии был майор Севрюков, сухопарый, подтянутый кавалерист.

Мы работали на площадке около базарных коновязей. Лошадей подводили по одной. Не было ни сутолоки, ни шума.

Разные тут были лошади: тяжеловозы шли в артиллерию, тонконогих скакунов в кавалерию зачисляли, а низкорослых плотных лошадок определяли в рядовые обозники. Принятых лошадей отводили в кузницу на ковку. На фронт лошади должны идти «обутыми».

Недалеко от нас, около своих лошадей, привязанных к коновязи, стоял заведующий ко-

нефермой колхоза «Рассвет» Иван Агапович Владимиров — с виду сумрачный, седые усы опущены вниз. Когда очередь дошла до него, первым он подвел Сокола. Несмотря на необычную обстановку, Сокол стоял совершенно спокойно, а как только я прикасался рукой к «щетке», желая поднять ногу и осмотреть копыто, конь предупредительно поднимал ногу сам и держал ее в полусогнутом состоянии до тех пор, пока я не переходил к другой ноге.

— Эх, хорош конь! — с восхищением воскликнул майор Севрюков. — А ну-ка, проведите его шагом и рысью.

Провели Сокола шагом и прогнали рысью. От наметанного глаза кавалериста не ускользнули недостатки коня.

— Замечательный рысак. Но что-то он тянет правую заднюю… И почему у него белые пятна?

Майор Севрюков прощупал пальцами старые шрамы и спросил:

— Да он, кажется, уже ранен был?..

Я пояснил майору происхождение этих недостатков у коня.

— Значит, не годен. Придется его оставить. Жаль.

— Да что вы, товарищ майор, — торопливо и го-

рячо заговорил Иван Агапович, — это он немного прицапывает, как постоит. А если разойдется, почти незаметно. Зато какая сила! И послушный.

Майор обернулся ко мне:

— Как ваше мнение, товарищ врач?

— Пожалуй, надо оставить.

Иван Агапович разволновался:

— Да что вы!.. Наш доктор его своими руками вылечил. Ему и дать Сокола. Пусть ездит. Такой конь нигде не подве дет. Он у меня ни огня, ни воды не боится.

Мы решили Сокола взять. Взяли и своего донора — Воронка. «На фронте он понадобится больше, чем здесь...» — подумал я. Только кличка у него была какая-то странная — Воронок. По масти он был совершенно белый. Видно, кто-то в шутку так назвал его.

На третий день мобилизации мы грузились в вагоны.

Михаил Владимиров был со мной. Его зачислили в ту же часть, куда я был назначен старшим ветврачом. Мы очень довольны были. Хорошо с друзьями быть вместе. Особенно на фронте.

При прощании Иван Агапович обнял сына и вдруг часто-часто заморгал, будто пыль в глаза попала и они омылись слезами.

— Ну вот… Едешь, значит, на фронт… Вырос. Смотри у меня, работай как надо. И сердцем крепись. Не робей.

Обнялись мы с Иваном Агаповичем.

— Поблажки моему Мишке не давай. И побереги его.

Он ведь один у меня.

Когда же воинский эшелон тронулся, Иван Агапович крикнул нам вслед:

— И Сокола моего берегите! Он не подведё-от!

Поезд набирал скорость и вез нас на запад, где уже шла страшная битва. Из открытой двери теплушки мы долго смотрели на родное село, пока оно совсем не затуманилось струйчатым, зыбким маревом.

Боевое крещение Миши и Воронка

Выгрузившись на железнодорожном разъезде Коробе́ц, наша часть заняла оборону восточнее Смоленска, под Ельней. Враг стремился прорваться к столице, но артиллерия гро мила его так, что он голову не смел высунуть из своих зем ляных укрытий. Зато их авиация не давала нам покоя: «мессершмитты» гонялись даже за отдельными всадниками и пешеходами.

Однажды, по моему поручению, ветфельдшер Владимиров поехал в саперный батальон, чтобы эвакуировать оттуда раненых лошадей. Уехал он на Воронке ранним утром, а к вечеру должен был вернуться.

Близился вечер. Вышел я из землянки и на небо посмотрел. Солнце горело на закате — большое, красное. В стороне с гулом и ревом летела стая «юнкерсов» и где-то высоко-высоко в сизой дымке звенели моторами «мессершмитты». Ухали, гудели наши пушки.

Приложив руку козырьком ко лбу, я посмотрел на запад и заметил скачущего по дороге

коня — пыль за ним клубится. Подбегает ближе — Воронок! Повод мотается двумя обрывками, весь в пыли, из белого стал серым, мокрый от пота, а на груди — кровь. Храпит, и глаза у него испуганные. А где же Владимиров?.. Я крикнул санитару: «Квитко! Сделай Воронку перевязку!» А сам быстро заседлал Сокола и помчался по дороге к передовой. Скачу и посматриваю по сторонам — не лежит ли где-нибудь Миша Владимиров…

В роще на огневых позициях стояла наша батарея. Доскакал я до артиллеристов и спрашиваю, не видали ли они всадника на белом коне.

— Как не видали! — отвечает мне командир батареи Дуванов и, показывая рукой на картофельное поле, говорит: — Видите, вон два самолета догорают? «Мессер» и наш «ястребок». Вашего помощника и летчика мы отправили в медсанбат.

— Как они?

— Да вроде ничего… А там уж дело врачей…

— Что тут случилось?

Вместо ответа Дуванов воскликнул:

— Ну и молодец у вас Миша! Спас летчика, а сам чуть не погиб.

И Дуванов рассказал мне то, что произошло на глазах у артиллеристов…

— Всадника на белом коне мы заметили еще издали, — начал свой рассказ Дуванов. — Ехал он по дороге легкой рысцой и временами, как и мы, посматривал на небо: шел воздушный бой. Два «мессера» напали на одного «ястребка».

Наш самолет увертывался от них, ввинчивался в небо, делал петли и стремился зайти в хвост врагу. Один «стервятник» задымил и пошел штопором вниз — за ним потянулся черный хвост дыма. Ребята закричали: «Так его, мерзавца!» И даже захлопали в ладоши.

«Ястребок» ринулся на другого врага прямо в лоб, но тот скользнул вниз и ушел в сторону, а в это время из-за облаков вынырнул третий «мессершмитт» и длинной пулеметной очередью ударил в хвост Яку. Самолет задымил и пошел на снижение. Он летел к земле так круто и с такой большой скоростью, что, казалось, уже не спланирует и врежется в землю. «Но что же летчик не выбрасывается с парашютом?.. — беспокоились мы. — Может, убит...» Нет, вот самолет выравнивается, планирует... Наверно, думаем, сядет в рожь. А рожь-то сухая, спелая. Загорится. Смотрим, шасси́ почти задевают за колосья, но самолет минует ниву и садится на картофельное поле: подпрыгивает, качается из стороны в

сторону и бороздит, пылит землю. Ох, как бы не перевернулся! Я тут же крикнул двум автоматчикам: «А ну, бегом к самолету!»

Но нас опередил всадник на белом коне. Он проезжал недалеко от места приземления самолета. Смотрю в бинокль: спрыгнул с коня и — к самолету, от которого валил черный дым; появились язычки пламени. Владимиров вскочил на крыло и, ухватив летчика под мышки, вытащил его из самолета. В это время «мессершмитт» снизился и, сделав над «ястребком» круг, дал пулеметную очередь. В бинокль я заметил, как пули пробежали по картофельному полю и запылили. Видно, немец бил из крупнокалиберного. Владимиров схватил летчика в охапку и потащил его в сторону, к большой яме, из которой местные жители добывали песок. В горящем самолете стали рваться боеприпасы. Как бы, думаю, не сразило ребят осколками… Потеряв из виду своих бойцов, я нервничал: где они там пропали?.. А Владимиров вот-вот уже у ямы… Еще бы один шаг — и он в укрытии. «Мессер» делает круг и бьет пулеметной очередью. Владимиров с летчиком повалились в яму…

«Эх, думаю, не успели мои ребята!..»

После этого немецкий летчик решил распра-

виться и с белым конем, который ожидал своего хозяина у кустика. Сделав над ним круг, летчик дал очередь из пулемета. Летчик не заметил во ржи двух наших автоматчиков. Они ударили по «мессеру» бронебойно-зажигательными, он врезался в землю и взорвался. А ваш белый конь помчался по дороге…

Дуванов помолчал, а потом добавил:

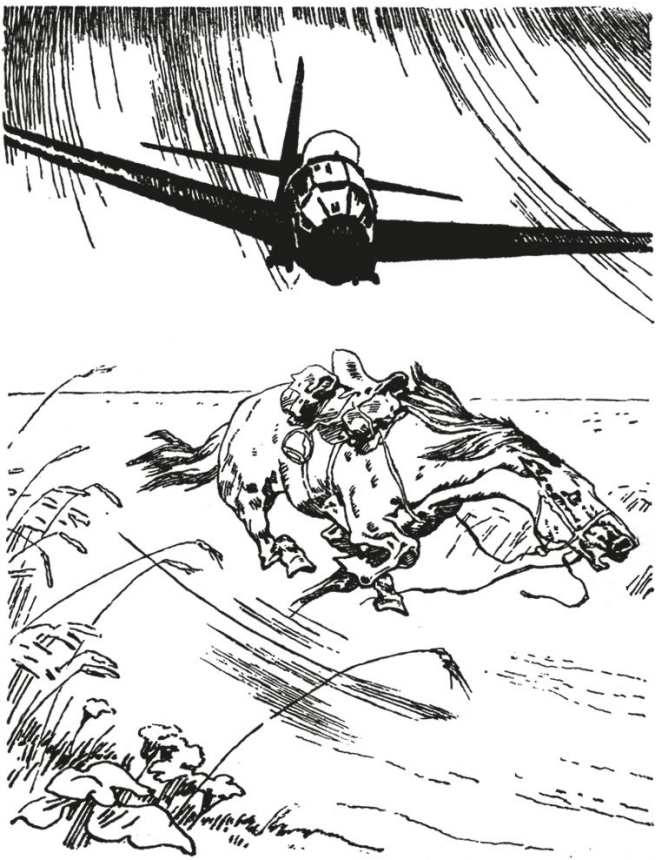
— Вот и вся история…

Я поехал в медсанбат. В саду под яблонями стояли длинные палатки с целлулоидными окошками.

Около палатки я встретился с командиром медсанбата врачом Александровым.

— Наверно, за своим помощником приехали? — спросил он.

— Да. Ну как он?

— Герой. Летчика спас и первую помощь ему оказал. Но сам ранен.

Мы зашли в палатку. В ней рядами лежали на носилках раненые после операций. В углу, слева, мы увидели смуглого молодого летчика с забинтованной головой. Около него сидел Миша Владимиров. У него была забинтована шея. Как только мы вошли, Владимиров встал и, будто в чем-то винясь передо мной, доложил:

— Товарищ начальник, ваше задание выполнил. А тут такой случай… Задержался… И Воронок куда-то убежал…

— Ничего, Миша, все в порядке. Воронок дома. Ну а ты как?

— Спасибо. Не беспокойтесь — я скоро выпишусь.

Летчик спал. Лицо у него было бледное. Дыхание глубокое, ровное.

— Угостили мы его спиртиком, — тихо сказал врач Александров, — пусть поспит, успокоится. Пальцы на ноге оторваны и ранение лба, но кость цела. Жить будет. И еще полетает…

В ту же ночь раненого летчика эвакуировали в полевой госпиталь. Миша провожал его. Летчик, пожимая ему руку, тихо говорил:

— Спасибо, браток. Запомни — Сафонов. Может,

встретимся после войны… Я к тебе в село приеду.

Миша молчал. Пережитые опасности роднят людей.

— До свидания… — промолвил он глухо.

Через две недели Миша Владимиров выздоровел и вернулся ко мне. А раненого Воронка мы вылечили и передали в дивизионный ветлазарет. При этом я сказал начальнику лазарета ветврачу Махову:

— Воронок — дорогой конь, донор. Не стоит ему так про ливать кровь… Его ценной кровью вы спасете немало тяжело раненных лошадей.

Как Сокол стал бояться воды

Много раз я благодарил колхозного конюха Ивана Агаповича за то, что он вырастил такого сильного и резвого коня, каким был Сокол. Иной раз пустишь его во весь дух за машиной — и не отстает. Шофер выглянет из кабины и с восхищением воскликнет: «Ого! Вот это дает!..» Сокол был послушным и смелым. Но однажды с ним произошла такая оказия...

Ветфельдшер Миша Владимиров сел на Сокола без седла и поехал на водопой. Недалеко от нас, за железнодорожной линией, протекал ручей.

Через несколько минут, сидя в блиндаже, я услышал надрывный звук пикирующего самолета, а потом — пулеметную очередь.

Вскоре в блиндаж вбежал Миша. Показывая на дверь, закричал:

— Скорей! Скорей! Сокол...

— Что случилось?

— Сокол пропал...

— Как — пропал? Убили?

— Нет! Утонул...

— Где утонул?

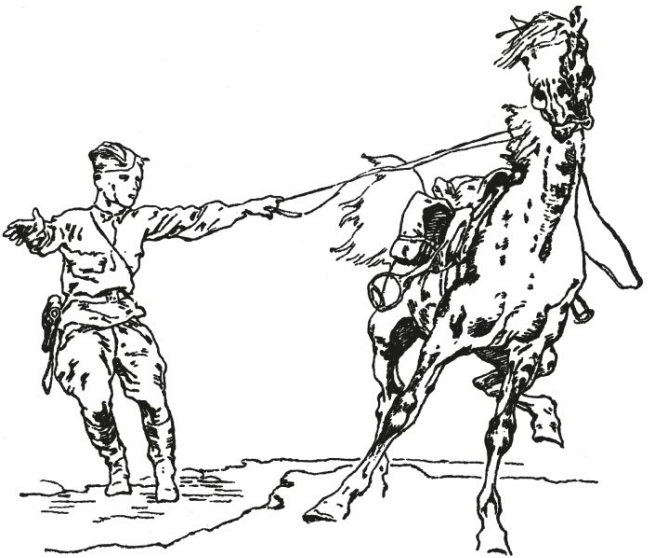
Я знал, что в том ручейке, где мы поили лошадей, было воробью по колено.

— В болоте! — воскликнул Миша.

Схватив моток кожаного «повала», которым мы связывали лошадей во время сложных операций, я выбежал из блиндажа. На ходу крикнул бойцам хозяйственного отделения:

— За мной, товарищи! С лопатами! Конь утонул в болоте!..

Во весь дух мы побежали к месту происшествия.

Оказывается, когда Владимиров ехал на водопой, на него пикировал «мессершмитт» и дал очередь из пулемета. Сокол испугался и шарахнулся в сторону. Миша упал с коня. Сокол помчался по полю и ввалился в болото.

Конь увяз в трясине по самое брюхо. Голову тянет вверх, глаза вытаращенные, глухо стонет.

Сунулись мы к нему — ноги вязнут, опасно. Остановились, замешкались. Что делать? И вдруг Миша закричал, показывая рукой в сторону железнодорожного полотна:

— Щиты! Щиты!..

Около железнодорожного полотна стояли деревянные щиты, сложенные шалашиками. Бойцы бросились к щитам и быстро сделали настил по болоту.

По этому настилу мы добрались до Сокола и настелили щиты вокруг него. Стоим. Хорошо держат. Не тонем, только немного вода просачивается.

Начали откапывать коня лопатами — еще больше за — сасывает.

— Отставить! — приказал я. — Давайте «повал».

Просунули конец ремня под брюхо коня, схватились за концы «повала», а кто за гриву и хвост и потянули под команду: «Эх, взяли! Еще раз взяли!» Трудно подается. Тяжел, да и тина крепко держит. Только мы начали тянуть, вдруг слышим крик нашего наблюдателя:

— Воздух!

Прилипли мы к щитам и притихли. Слышим, где-то недалеко со звенящим свистом самолет летит. Через некоторое время наблюдатель крикнул:

— Отбой!

Вскочили мы и опять стали тянуть.

Около коня щиты положили в два слоя — так-то надежнее — и на них вытащили Сокола. Связали ему ноги и в таком лежачем положении вместе со щитами, на которых он лежал, потянули. Кое-как выволокли на твердый грунт. Развязали. Вскочил Сокол на ноги, дрожит. Весь в грязи, да и мы изрядно извозились. Смотрю, на задней ноге у него кровь. Обмылись мы в ручейке и коня вымыли. На бедре у него увидели неглубокую рану.

— Да, Миша, — сказал я, — легко вы с Соколом отделались. Могло быть хуже…

Рану мы зашили и закрыли повязкой. Поставили коня в убежище.

— Пусть недельку постоит, — сказал я. — Ранка подживет, и сам успокоится. А то, видать, он сильно перепугался…

…Прошло дней десять. Заседлали Сокола, и поехал я на нем в подразделения полка. Дорога пролегала через тот ручей, в котором поили лошадей. У ручейка Сокол вдруг остановился,

наклонил голову и, испуганно глядя на воду, заревел каким-то медвежьим, утробным голосом: «У-ур-р-ры-ы!..» Никогда я не слышал у лошадей такого рыка.

Сделал я посыл ногами — конь ни с места. Рассердился и ударил Сокола концом поводьев. Конь шагнул, но не вперед, а назад. И при этом глаз не сводит с воды и ревет: «У-ур-ур-ы-ы!..»

Пришлось слезть с седла и повести коня в поводу. Перешагнул я ручеек и тяну его за повод.

— Ну-ну, вперед, Сокол! Вперед!

Сокол сначала упирался, а потом ка-ак скакнет через ручей! Перемахнул — копыт не замочил. Дрожит и на ручеек оглядывается.

Сел я на Сокола и поехал дальше. Еду и думаю: «Вот еще не было печали, так в болоте черти накачали. Никогда не боялся воды, а тут — на́ тебе. На фронте такая лошадь и погубить может».

Но странное дело: после этого случая, где бы я ни оставлял Сокола без привязи, он шагу не ступит. Даже если невдалеке снаряды рвутся — стоит как вкопанный на месте, только изредка вздрагивает и ушами прядёт. Чтобы уберечь от осколков, я приучил его ложиться на бок. Лежит и временами стонет, но не вскакивает. Может быть, он потому никуда не убегал, что боялся

опять погрязнуть где-нибудь в болоте?.. Воды испугался — зато огонь стал легче переносить. Вот какие чудеса в жизни бывают!

«Аккуратный почтальон»

Солдаты передовой роты уже несколько дней не получали писем. Трудно было доставить. А без писем на фронте тяжко.

Комбат майор Терехов вызвал к себе в блиндаж связиста-вожатого и сказал:

— Товарищ Первушкин, не сможет ли ваша Альфа доставлять газеты и письма в первую роту? Уже двух письмоносцев убило…

— Не знаю как… — нерешительно ответил связист. — Попробую. С грузом-то через реку тяжеловато будет.

Стояла дождливая, грязная осень.

В такое время особенно трудно было воевать: земля раскисла, люди промокали до нитки, а ночи стояли длинные и темные-темные.

Первая рота форсировала реку и закрепилась на том берегу: вырыли окопы, залегли. Противник пытался столкнуть роту обратно в реку, но все его атаки захлебывались. Телефонная линия часто рвалась от огня противника, и связь поддерживали по радио и с помощью служебной собаки.

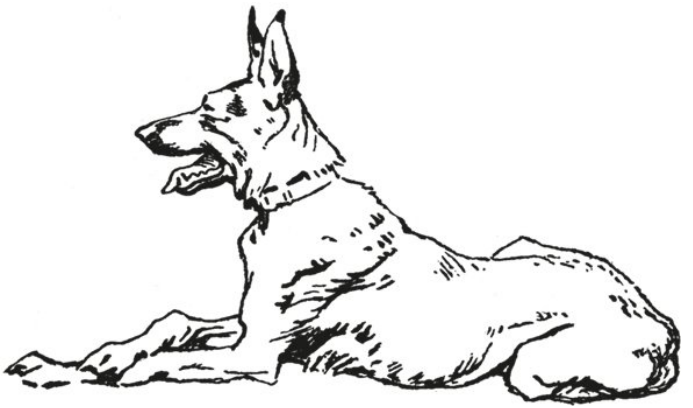
Альфа была похожа на волка: здоровенная,

темно-серая.

Работала на связи при двух вожатых. Один вожатый, Коробков, находился на том берегу, в окопах, а другой, Первушкин, — на этом берегу, при штабе батальона. Первушкин был строг к Альфе и ласкал ее редко, а Коробков помягче характером, голос у него ласковый, и за хорошую службу он часто поощрял собаку. Первушкина Альфа побаивалась, а Коробкова любила, но к обоим привыкла и обоих слушалась.

Письменное приказание Первушкин клал в маленький портдепешник, привязывал его к ошейнику и говорил строго:

«Альфа! Пост!» Альфа устремлялась через кусты к реке, переплывала ее наискосок (течением сносило) и бежала в окопы к вожатому Коробкову. Только Коробков, второй хозяин Альфы, мог снять портдепешник. Никому другому собака не давалась. Альфа отдыхала в окопах. Коробков ее подкармливал, а потом она обратно переплывала реку, неся в портдепешнике донесение от командира роты.

А теперь комбат дал новое задание. Сможет ли Альфа с грузом переплыть реку? Уж очень течение быстрое.

Первушкин закрепил на спине собаки брезентовый вьюк и положил в него несколько газет. Альфа переплыла с вьюком реку и доставила газеты в первую роту. Первушкин пошел к комбату и доложил:

— Товарищ майор, испытание сделано. Можно

назначить Альфу почтальоном. Думаю, справится.

Улыбнулся комбат:

— Хорошо. Давайте. Только не нагружайте ее помногу. Как бы не утонула.

— Будьте покойны, товарищ майор. Она у меня будет делать по расписанию два рейса в день. Аккуратно доставит.

На другой день Первушкин ранним утром послал Альфу в первый рейс с газетами. Альфа реку переплыла и, прыгнув в траншею, побежала по извилистому пути к вожатому. Но Коробкова на старом месте не оказалось. Собака понюхала землю и устремилась по ходу сообщения дальше. Солдаты попытались остановить связную собаку: «Альфа, Альфа, стой!» Но она увернулась от них и даже оскалила зубы. Солдаты отстранились от собаки и поругали ее:

— Вот злюка! Ученая, а некультурная…

Альфа не обращала на них внимания. Она нюхала землю и шла по траншее вперед. Траншеи солдаты по ночам копали — по направлению к противнику, и сейчас Коробков находился в самом отдаленном ответвлении.

Альфа разыскала хозяина. Коробков обрадовался, погладил собаку и ласково сказал:

— Хорошо, Альфа, хорошо.

И угостил ее сахаром.

Вынув из вьюка газеты, Коробков роздал их солдатам.

— А когда же она письма принесет? — спрашивали все.

— Сегодня вечером.

— А как же она нашла тебя по следам? Ведь следов-то много.

Коробков улыбнулся:

— Простая хитрость: подошвы я смазал рыбьим жиром и этим усилил запах своих следов. Вот Альфа и нашла меня!

Вечером Первушкин завернул пачку писем в парусину и вложил в брезентовую сумку вьюка. Надо было сберечь их от воды. Письма были в разных конвертах — и в серых, и в желтых, и в синих, и простыми треугольниками.

И в каждом из них своя жизнь, своя тоска и надежда.

По команде «Пост! Пост!» Альфа побежала знакомым маршрутом. Сначала она бежала через кусты, потом поплыла. Вражеские снаряды рвались на обоих берегах реки, где располагались наши войска. Иногда снаряды падали в реку, и вверх взлетала высоким фонтаном грязно-бурая

вода. Аль фа привыкла к этим взрывам, и как бы близко они ни появлялись, она не изменяла своего маршрута.

Альфа вылезла из воды и, отряхиваясь, побежала по берегу к окопам. В это время недалеко от нее разорвалась мина, и многочисленные осколки мгновенно взборонили землю. Альфа взвизгнула и упала на живот — будто ей подсекли ноги. Песок под ней окрасился кровью.

Коробков поджидал своего почтальона и часто выглядывал из траншеи — посматривал по направлению к реке. Здесь пролегает линия связи. Вон там, около песчаного холмика. Альфу уже можно было увидеть. «Как бы под огонь не попала… — тревожно думал Коробков. — Она ведь с письмами…»

И вот Коробков увидел своего почтальона. Собака шла медленно, покачиваясь, иногда приседала, ложилась и пыталась ползти.

Коробков вылез из траншеи и пополз навстречу собаке.

— Альфа, ко мне! Ко мне! Альфа! Ползи!

Собака слышала призыв хозяина, скулила, скребла лапами песок и не могла сдвинуться с места. Коробков дополз до собаки, схватил ее за вьюк и потащил за собой в окоп.

— Тихо, Альфа, хорошо, Альфа… — приговаривал Коробков, успокаивая собаку.

За ней оставался кровавый след.

Втащив Альфу в окоп, Коробков сбросил с собаки вьюк и начал торопливо перевязывать раны. Раны были на всех ногах, а на правой задней перебита кость. Два солдата помогали Коробкову перевязывать раны, а другие протягивали ему свои перевязочные пакеты и говорили:

— На́, на́, Коробков, перевязывай скорее, а то кровью изойдет. Вот молодчина: раненная, а письма принесла.

После перевязки ран Коробков роздал солдатам письма. Солдаты с радостным оживлением благодарили:

— Спасибо, Коробков, спасибо.

А потом все предлагали Альфе галеты, сало и сахар, но она отворачивалась от соблазна и посматривала на Коробкова так, словно хотела спросить: «Можно ли взять?» — Ишь какой привередливый твой почтальон, — сказал один солдат, — от такого угощения отказывается…

— Не привередливая, а дисциплинированная, — пояснил Коробков, — она из чужих рук не должна брать пищу.

Ночью на резиновом поплавке переправили

Альфу через реку и привезли к нам в лазарет. Мы удалили из тела собаки осколки, а на перебитую ногу наложили гипсовую повязку.

Через месяц Альфу вернули в строй. На задней ноге у нее осталась костная мозоль, но Альфа не хромала и бегала хорошо.

После этого и прозвали ее «аккуратный почтальон».

Гибель Альфы

Как-то мы с Мишей Владимировым возвращались из передовых частей к себе, во второй эшелон дивизии. Я ехал на своем верном Соколе, а фельдшер — на Гнедке, быстроходном маленьком иноходце. Едем мы с Мишей легкой рысцой и вдруг замечаем: в полукилометре от нас по склону высотки бежит волк. «Наверно, спугнули его снарядом из логова — вот он и удирает теперь подальше от огня, в тыл...» — подумал я. Но бежит зверь как-то странно: медленно и зигзагами, иногда покачивается и приседает. Хвост поленом волочит, и голова опущена до земли.

— Владимиров, за мной! — крикнул я, и мы полной рысью помчались наперерез волку.

На ходу я выхватил пистолет из кобуры. Подскакиваем ближе, осаживаем коней. Это оказалась собака овчарка, похожая, как известно, на волка.

Спрятал я в кобуру пистолет и крикнул громко, властно:

— Стой!

Собака вздрогнула и остановилась. Повернула голову и покосилась на нас правым открытым

глазом. Вся морда у нее была в крови, левый глаз затек кровью, а полуоторванное левое ухо свисало вниз. На шее — кожаный ошейник.

Я спрыгнул с коня и подошел к раненой собаке. Она дрожала.

— Миша, кажется, это Альфа…

Поглаживая собаку по спине, я приговаривал тихо и ласково:

— Альфа, спокойно… Ложись.

Собака легла, и дрожь у нее стала затихать. Лошади таращили на собаку глаза и тревожно фыркали. Все животные пугаются и волнуются, когда чуют кровь.

Успокоив собаку, я приказал:

— Владимиров, сумку!

Через плечо у фельдшера висела большая кожаная сумка, в которой находилось все необходимое для оказания первой помощи раненым животным: бинты, вата, хирургические инструменты и некоторые лекарства.

Да, то была Альфа — «аккуратный почтальон». Мы узнали ее по костной мозоли на правой задней ноге.

Мы расстелили на земле попону и положили на нее своего пациента. Ноги связали бинтом, а на челюсти наложили петлю. Это страховка, что-

бы во время операции собака не могла укусить. Владимиров придерживал Альфу. Осторожно тампонами я снял с морды свернувшуюся кровь. Мы опасались, что у нее повреждены череп и левый глаз, но наши опасения не оправдались. Видно, небольшой острый осколок, словно лезвие безопасной бритвы, чиркнул по голове и разрезал кожу лба наискосок от правого уха к левому глазу. Здесь он рассек надбровную дугу, но не затронул глаза.

А другой осколок оторвал наполовину левое ухо.

Рану мы зашили шелковой ниткой. И ухо пришили. После этого забинтовали голову, оставив два окошечка для глаз.

Во время операции собака иногда вздрагивала и повизгивала. Когда же мы ее развязали, она встала, потянулась, будто расправляла уставшее тело, и замотала головой.

— Что, Альфа? Неловко? — спросил я.

Собака наклонила голову и попыталась лапами сорвать повязку.

— Альфа, нельзя! Фу! — крикнули мы разом с Мишей.

Собака послушалась.

— Надо теперь проследить за ней, — сказал я

Владимирову, — а то она испортит нам все послеоперационное лечение.

Владимиров сел в седло, а я на руках подал ему Альфу.

Гнедок покосился на нее и фыркнул. Миша положил собаку поперек седла впереди себя и обхватил ее руками. Альфа прильнула к нему и как будто задремала.

Чтобы не тревожить пациента, мы ехали шагом и через час добрались до своей землянки. Нас встретил ветсанитар Квитко.

— О-о, да вы с прибылью… — сказал он, принимая от Владимирова раненую собаку.

Квитко предложил нам пообедать. В солдатском котелке он приготовил мясной кулеш.

— Но он уж, наверно, остыл. Я его сейчас подогрею.

— Не надо подогревать, — остановил я санитара, — нам как раз и нужен чуть теплый. А ну-ка, дайте консервную банку.

Мы отдали собаке свое мясо, и она охотно съела его.

Потом мы налили ей в банку суп и покрошили в него хлеб.

И это блюдо Альфа тоже охотно съела и даже облизала банку. Таким образом, в этот день от

нашего обеда остались нам с Мишей, как говорят, одни рожки да ножки.

После супа мы угостили Альфу сладким. Хрупая сахар, она виляла хвостом и смотрела на нас с благодарностью. Карие ее глаза, выглядывающие из марлевых «окошечек», увлажнились и блестели.

— Ишь ты, сластена… — проговорил я.

Собака лизнула мне руку, и мы поняли это как просьбу повторить сладкое.

— Хорошенького понемножку, — промолвил Владимиров и повел Альфу в землянку.

После обеда я прилег отдохнуть в землянке. Альфа легла у моих ног и задремала. Сон у нее был тревожным. Она часто вздрагивала и тихо скулила.

Через неделю швы сняли. Раны зажили хорошо. И ухо приросло. Только рубец стянул немного его: ухо укоротилось и не поднималось «свечкой».

Чтобы восстановить у собаки силы, мы кормили ее вдоволь кониной. Квитко давал ей слишком большие куски. Альфа разрывала их на три-четыре части и прятала мясо в землю в разных местах, чтобы съесть после.

Первушкин очень обрадовался, когда узнал, что его собака жива и находится у нас.

— Наша Альфа никогда с маршрута не сбива-

лась. А потом раз — и пропала. Мы уже подумали: прямое попадание снаряда либо мины…

Вероятно, когда Альфа возвращалась с передовой к своему вожатому в штаб, то попала под артиллерийский налет и, раненная, сбилась с маршрута и побежала куда глаза глядят, подальше от огня. Вот тогда-то мы и повстречали ее в поле.

Первушкин увел Альфу в роту, а через три дня снова привел ее к нам.

— Товарищ ветврач, не годится собака для боевой службы. Испорчена.

— Почему? — спрашиваю я. — Что случилось?

— Огня боится. Не идет на передовую. Я уж ее и так и сяк — ничего не помогает: ни хлыст, ни сахар. Отбежит от меня немного и опять ко мне обратно.

— Ну и что же теперь с ней делать будем?

— Да вот командир роты к вам прислал. Посмотрите хорошенько. Может, у нее что-нибудь в мозгах сдвинулось…

Прямо не узнать собаку. Как рванет где-нибудь снаряд, дрожит, жмется ко мне и скулит, будто плачет.

— Ну что ж, — говорю я, — оставляйте. Понаблюдаем за ней.

— Только вы уж, пожалуйста, в тыл ее не эвакуируйте.

Уж больно способная была собака. Может, и выправится со временем.

Я дал слово вожатому никуда не отправлять Альфу, и она осталась у нас.

Вожатый ушел. Миша, довольный, улыбался.

— Чему, — спрашиваю, — радуешься?

— Да вот Альфа теперь у нас будет. Может, и совсем останется.

— Не радуйся, Миша, — сказал я, — наверно, она получила тяжелое нервное потрясение...

— Ничего, товарищ начальник, не волнуйтесь. Мы ее опять приучим к боевой службе.

— Не забывай, Миша, что Альфа была ранена и контужена в голову. После сотрясения мозга нелегко поправляются.

Находясь у нас под наблюдением, Альфа стала вести караульную службу. Когда мы спали, она бодрствовала у землянки и охраняла нас и лошадей. Альфа везде следовала за мной. Обычно она бежала впереди меня, на перекрестках или развилках дорог останавливалась и, повернув ко мне голову, оттопыривала правое ухо и громко, отрывисто взлаивала: «Ам!» Я понимал это как вопрос: «Куда идти?» Я указывал рукой по тому

или иному направлению и кричал: «Прямо!», «Направо!», «Налево!». И Альфа бежала в указанную сторону.

Иногда где-нибудь в лощине я оставлял своего коня и шел дальше пешком, а Альфу ставил в караул около Сокола. Она ложилась у его передних ног, и никто не мог подойти к коню. Обычно он стоял спокойно и без привязи, но иногда соблазнялся хорошей травой и тянулся за ней, делая шаг-другой. Альфа мгновенно вскакивала и легонько цапала зу бами за передние ноги коня и рычала, словно хотела выразить: «Ни с места!» Она даже не позволяла приближаться ко мне незнакомому ей человеку, если я не говорил: «Свой, Альфа, свой».

Но однажды Альфа удивила меня...

Поехал я по делам службы к командиру полка полковнику Смирнову. Штаб полка размещался в блиндажах, вырытых на обратных от противника скатах безымянной высоты. Тут же внизу был заросший кустарником овраг. Подъезжать к штабу на машинах и на лошадях запрещалось, потому что немецкие самолеты могли засечь его и разбомбить. Лошадей и машины надо было оставлять в полукилометре от штаба, а затем идти пешком. Так я и сделал. Не привязывая,

поставил Сокола в кустах и, приказав Альфе лечь около коня, пошел по оврагу, пригибаясь к кустам. Отошел я от коня метров пятнадцать и оглянулся. Смотрю, Альфа идет за мной. Удивился я и строго прикрикнул на собаку: «Назад!» Вернулась Альфа и опять легла у ног коня. Еще прошел метров пятнадцать и опять оглянулся. Альфа опять следовала за мной. «Что такое? — думаю. — Почему она не хочет выполнять мое приказание?» Рассердился я. Вернулся, подошел к собаке и стукнул ее рукой.

— Назад! Ложись!

Альфа снова легла у ног Сокола и, положив на лапы морду, закрыла глаза. После этого я пошел по своему маршруту и, пока не скрылся в кустах, видел лежавшую около коня Альфу. Лишь один раз она немного приподняла голову и, как мне показалось, хитровато посмотрела мне вслед. Но я не придал этому значения.

Каково же было мое удивление и возмущение, когда я при подходе к блиндажу командира полка увидел Альфу.

Приседая на все ноги, она кралась к блиндажу с обратной стороны. Вот она уже на крыше блиндажа, покрытого зеленым дерном. Смотрит на меня настороженно, воровато и пугливо: а что, мол, ты

на это скажешь?

В первый момент я хотел грубо накричать на нее и даже наказать, но, подумав о том, что Альфа обхитрила меня — пока я шел по прямой тропинке, она обежала по кустам, кругом, — я почувствовал себя обезоруженным. Развел руками и улыбнулся:

— Ах ты, плутовка!..

Заметив мою улыбку и услышав добродушный голос, Альфа, вероятно, поняла, что теперь ей все можно. Она спрыгнула с блиндажа и бросилась лапами ко мне на грудь. Радостно взлаивая, она пыталась лизнуть меня в губы. Но я уже овладел собой и, оттолкнув ее, нарочито грозно крикнул:

— Пошла прочь, собачья дочь!..

Но Альфа не испугалась — она чувствовала, что этот окрик неискренний. Альфа отскочила от меня и, подбежав к двери блиндажа, толкнула ее передними лапами и ворвалась в блиндаж. Я пошел вслед за ней и услышал голос полковника Смирнова:

— Ваня! Гостья пришла. Угощай.

Это полковник говорил своему ординарцу Ване Горохову.

Оказывается, когда я вместе с Альфой был в этом же блиндаже неделю тому назад и выходил

из него на некоторое время, Ваня Горохов угостил Альфу тем, что она особенно любила, — колбасой и сахаром. И вот теперь, когда мы снова очутились в этих местах, Альфа настойчиво стремилась попасть в гостеприимный дом.

— Товарищ Горохов, вы дисциплину подрываете у моих пациентов, — шутливо сказал я. — Нельзя угощать! — А на собаку прикрикнул: — Марш к коню! Ну!

Альфа виновато опустила голову и вяло, нехотя вышла из блиндажа.

Когда я вернулся к своему коню, собака лежала у его ног и боязливо посматривала на меня. Она опасалась наказания за свой проступок, но я не тронул ее. «Сам больше виноват...» — подумал я. Бывая с ней в частях, я иногда допускал, что ее кормили из чужих рук.

Постепенно мы приучали Альфу к выстрелам, стреляя поблизости от нее из пистолета и винтовки. Но особенно она боялась взрывов. Когда мы попадали под артиллерийский обстрел и снаряды рвались недалеко от нас, Альфа бросалась под ноги к коню и взвизгивала. Во время артиллерийского налета приходилось ложиться на землю. Сокола я тоже приучил ложиться. Альфа прижималась ко мне, вздрагивала и закрывала

от страха глаза. Я отгонял ее от себя и подбадривал голосом:

— Вперед, Альфа, вперед!

Она вскакивала и немного отбегала от меня, но тут же возвращалась обратно.

Чтобы снова приучить Альфу к связной службе, мы обозначили два «поста» и заставляли ее бегать между ними. Первый «пост» — наша землянка, и здесь находился я, а второй «пост» — в километре от землянки, в овраге, и там находился Миша. Я посылал ее к Владимирову, а он — ко мне. По пути Квитко взрывал недалеко от нее «пакеты». Так мы приучали собаку к связной службе в боевой обстановке.

Альфа постепенно привыкала, смелела, и мы те шили себя надеждой, что вскоре вернем ее в строй.

Но надежда наша не сбылась.

Летом сорок третьего года наши войска разбили противника на Курской дуге и погнали его на запад. Противник отходил с боями и по пути отхода минировал дороги, берега рек, лесные опушки. Мне надо было поехать в дивизионный ветлазарет. Раненых лошадей в это время поступало много.

Путь мой лежал по большаку — километров

пятнадцать.

«Зачем я поеду по этому длинному пути, когда можно поехать напрямик, через лес? Тут гораздо ближе…» — подумал я и поехал к лесу. Как обычно, Альфа бежала впереди меня.

На опушке она остановилась, обернулась и пролаяла: «Ам!» Я крикнул:

— Стой, Альфа!

Подъехав к опушке, я внимательно посмотрел на землю.

Поверхность ровная, никаких следов не видно. Взглянул на деревья — и на них не увидел каких-либо знаков. Иногда наши саперы не успевали обезвреживать минные участки, и в этом случае они прибивали на столбах или деревьях дощечки с крупной надписью: «Заминировано». «Да зачем здесь пойдут немцы?.. — подумал я. — Нет здесь ни дорог, ни троп. Они ведь по дорогам удирают…» Альфа стояла около меня и смотрела, ожидая приказания. Я крикнул:

— Вперед, Альфа! Прямо! — и указал рукой.

Альфа взмахнула хвостом и побежала в лес.

Ехал я шагом, не правя конем, — он сам осторожно лавировал между деревьев. Впереди мелькало серое тело Альфы. В лес я углубился не более чем на пятьдесят метров, как услышал впе-

реди себя взрыв. Сокол вздрогнул и остановился. Альфа мгновенно исчезла из моих глаз.

На том месте, где только что находилась собака, образовалось облачко дыма и пыли.

Вскоре облачко рассеялось, и я увидел Альфу. Она лежала и билась окровавленной головой о землю, перебитые ноги дергались и мотались. Альфа нарвалась на мину.

Мне хотелось подъехать к ней, подойти, но этого нельзя было делать: значит, лес заминирован, можно подорваться… Да и помощь моя ей уже не требовалась…

Я поехал обратно. Правил так, чтобы Сокол шел по свое му следу. Благополучно выехав на лесную опушку, я направился в ветлазарет по дальней дороге. Ехал и думал: «Кто знает, может быть, Альфа своей смертью спасла меня и моего Сокола…»

Казачонок

Цирк озарился белым светом. Открылся красный занавес, и на арену стремительно выскочили кубанские казаки на золотисто-рыжих дончака́х. Впереди — усатый казак Митрофан Сердюк, за ним — пять молодых всадников. С пронзительным гиканьем казаки мчались по арене, соскакивали с седел то на одну, то на другую сторону и так же молниеносно вспрыгивали в седло. Полы бурок у них развевались широкими крыльями. Сбросив бурки, они рубили шашками лозу и метко стреляли в бумажные мишени.

Оркестр заиграл «Русскую». Всадники скрылись за кулисы. На арене остался один казачонок Петя. На полном скаку он встал в седло и заплясал. Петя так быстро и уверенно перебирал ногами, словно плясал не на скачущей лошади, а на земле. Золотистая Ласточка быстро несла его по арене, и казалось, будто конь летит по воздуху, не касаясь земли.

Казачонок вдруг скользнул в седло, тонко вскрикнул и упал с седла навзничь. Какая-то женщина в публике испуганно вскрикнула: «Ах!»

Ей показалось, что мальчик сорвался с седла и потерял сознание. Ноги его были в стременах, голова висела у задних ног коня, а бессильные руки пылили опилками. Нет, это, конечно, не случайность. Это, вероятно, цирковой номер, но что-то уж очень долго… Как бы лошадь не ударила его копытами по голове… Кто-то в публике не выдержал и крикнул: «Довольно!»

Казачонок пружинисто подтянулся, вскочил в седло и умчался за кулисы. Цирк взорвался аплодисментами.

Петя выехал на арену и, сделав над седлом сальто, снова умчался за кулисы.

Митрофан Николаевич подошел к сыну и обнял его.

— Молодец, Петро! Здóрово у тебя «обрыв» получился.

— Прощальный номер, бáтько, — проговорил раскрасневшийся Петя, отстраняясь от отцовских усов, щекотавших его лицо.

— Наш-то прощальный — это верно, а тебе придется еще выступать.

— Нет, батько, я с вами поеду.

— Петро, я уже говорил. Нельзя тебе ехать. Это ж тебе не цирк… Мне-то не привыкать, а ты еще малый.

— С собой не возьмешь — все равно убегу.

— Хватит тебе, дурень. Тебе жить надо. Убить могут.

— Поеду, — упрямо твердил Петя, — все равно поеду. Мне уже скоро паспорт дадут. А ты думаешь, что я все маленький.

Митрофан Николаевич смотрел на сына и думал: «Упрямый, бисов сын, — весь в меня».

Всю ночь по улицам Москвы двигались колонны войск, машины с пушками на прицепах, громыхали танки. Чуть брезжил рассвет, когда из ворот цирка выехала группа всадников-казаков. Впереди ехал Митрофан Николаевич, за ним — попарно молодые казаки, группу замыкал Петя. На лицах казаков было суровое выражение. А Петя радовался. Он едет на фронт! Ему хотелось улыбаться, говорить с товарищами и даже запеть песню, но он молчал. А то еще подумают — мальчишка. Чтобы казаться побольше, Петя приподнялся над седлом и ехал на вытянутых ногах.

Отец оглянулся на сына и подумал: «Радуется, дурачок, и не знает, что в пекло едет… Пропадет дытына, и роду Сердюков не останется. И зачем только я его взял?..»

Вся группа цирковых наездников попала в

кавалерийский полк, которым командовал подполковник Мирошников. Циркачей (как их прозвали в полку) посылали в разведку в тылы врага, и они часто привозили в седле «языка».

Но в эти опасные выезды разведчики не брали Петю.

Он ездил с поручением в подразделения или в тыл полка. Петя обижался. Он жаждал подвигов, а его не пускали в настоящее дело. Петя пытался уговорить командира полка, но тот, как и отец, был непреклонен.

— Рано тебе, Петя, в бой идти, — говорил он, — приучайся пока, присматривайся, а там видно будет… Война не на один день. Придет и твое время.

— Да, придет… Гайдар вон в пятнадцать лет в разведку ходил, а мне скоро шестнадцать будет.

Но и ссылка на Гайдара не помогла Пете. Казачонок уходил от командира полка рассерженный. «Наверно, с батьком договорились не пускать меня…» — думал он.

Стоял дождливый, слякотный октябрь сорок первого года. Враг наступал. А отступать нашим некуда — ведь позади Москва.

Однажды командир полка вызвал к себе Петю.

— Скачи, казак, к соседям слева и установи с

ними связь. Что-то не отвечают. Да смотри в оба. Опасно.

Обстановка видишь какая… — Подполковник Мирошников развернул перед Петей карту с «обстановкой». — Смотри и запоминай: вот наше боевое расположение. Доложишь им. Их штаб должен быть вот тут, в деревне Королёвке.

Петя внимательно посмотрел на карту и сказал:

— Понял.

— Ну, аллюр три креста!

— Есть! — воскликнул Петя и пулей выскочил из избы, где временно располагался штаб полка.

Петя накинул на себя бурку и, вскочив в седло, с места рванул Ласточку в галоп. Наконец-то он получил настоящее боевое задание! Он выполнит его, и пусть тогда батько увидит, что Петро уже не маленький: сам командир полка задание дал и даже казаком назвал!

Где-то недалеко, справа, ухали пушки, и земля вздрагивала. В небе гудели вражеские самолеты. За лесом, слева, горела деревня, едкая гарь доносилась до Пети. «Жгут, сволочи…» — подумал он.

Сначала Петя ехал по истоптанному мягкому полю, копыта коня вязли в сырой земле. Потом он спустился в балку и поехал кустарником. А

вот и березовая роща на высотке. За ней должна быть Королёвка.

От южной опушки рощи до деревни Королёвки не более километра. Выехав на опушку леса, Петя шевельнул шенкелями[1], и Ласточка понеслась к деревне широкой рысью.

Деревня состояла из одной длинной улицы. Деревянные серые домики притихли и будто ссутулились. Никого не видно.

«Здорово замаскировались… — подумал Петя, въезжая в улицу и поглядывая по сторонам. — Наверно, все жители эвакуировались…»

И вдруг он услышал неясный человеческий гомон где-то в середине улицы. Вон кто-то вышел со двора на улицу — в каске и шинели грязно-серого цвета. Похож на немца. Наверно, пленный. Но у него в руках автомат! Неизвестный солдат сначала уставился на черного всадника, а потом побежал во двор и закричал истошно:

— Казак-партизан! Казак-партизан!

Петя рванул повод на себя и, подняв Ласточку на дыбы, повернул ее на месте кругом и поскакал карьером обратно. Голову низко пригнул к луке́, черная бурка веером расстилалась по воздуху. Со

[1] Примечания: 1

Ше́нкель — обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки, служащая для управления лошадью.

двора, куда скрылся солдат, выбежали несколько автоматчиков и торопливо, без прицела, застрочили вслед казачонку. Пули засвистели вверху, над головой, где-то справа, слева, как будто над самым ухом. Петя оглянулся и увидел двух мотоциклистов. Они мчались за ним, не стреляя. «Наверно, живым хотят захватить», — мелькнула мысль у Пети. Он обернулся и выстрелил несколько раз в немцев. Один мотоциклист сковырнулся вместе с машиной набок и закричал, барахтаясь на земле. Вот и окраина деревни. Второй мотоциклист настигал Петю. Петя сделал крутой поворот направо и поскакал целиной по лугу, заросшему мелким кустарником. Здесь мотоцикл не пройдет. Петя обернулся и хотел выстрелить в мотоциклиста, но патроны в карабине кончились. Немецкий мотоциклист затормозил перед кустарником и, соскочив с машины, дал очередь по всаднику. Немец видел, как русский казак схватился за грудь и затем, взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Черная бурка тащилась по кустам — будто крылья подрубили всаднику. Голова и руки бессильно повисли. Немец прекратил стрельбу и побежал вслед за конем, крича на ходу:

— Хальт, пферд! Хальт, пферд![2]

Наверно, ему очень понравилась Ласточка и он хотел ее поймать. Но русская лошадь не понимала немецкой команды и мчалась карьером к лесу, волоча за собой поверженного казака. И бежала она как-то странно: боком, по-собачьи, словно оберегала хозяина, чтобы не наступить на него.

И вдруг немецкий автоматчик остолбенел от удивления: убитый казак пружиной вскинулся в седло и скрылся за деревьями. Немец открыл по лесу трескучую пальбу, но Петя был уже далеко…

Соскочив с коня, Петя вбежал в избу к командиру полка, не спрашивая разрешения. Петя поднял было руку «к козырьку», но тут же торопливо опустил ее, вспомнив, что кубанки у него на голове нет.

— Товарищ подполковник, ваше приказание не выполнил. В Королёвке — противник…

Увидев окровавленного Петю, подполковник крикнул:

— Санинструктора сейчас же сюда! Санинструктора!

— Ничего, товарищ подполковник, это я так,

---

[2] Примечания: 2
Стой, лошадь! (*нем.*)

немного поцарапался… Я не знал, где искать штаб… Виноват.

Выслушав казачонка, подполковник подошел к нему и положил руку на плечо.

— Ничего, казак, на войне как на войне — всякое бывает. А за находчивость — молодец. Теперь тебя можно и в настоящее боевое дело пустить… Не растеряешься. После того как санинструктор забинтовал Пете израненные лицо и руки, казачонок долго не ложился спать, хотя был уже поздний вечер. Он старался быть на виду у красноармейцев, чтобы все знали, что он ранен.

Ночью вернулся из разведки отец и, увидев Петю с забинтованными головой и руками, встревожился:

— Что с тобой, сынок? Где это тебя так, а?

— Я, батько, «обрыв» сделал перед фашистами, а там кусты. Ну и поцарапался немного. А санинструктор забинтовал как тяжелораненого. Я ему говорил — не надо, а он свое: заражение крови, говорит, может быть.

Отец осмотрел Петину бурку и, увидев несколько пулевых пробоин, покачал головой:

— А поклевали они тебя, сынок, здóрово… Ласточку не задело? — Задело, батько, немного, но ветврач сказал — не опасно. А за меня, батько,

не бойся. Подполковник сказал, что я теперь в разведку могу.

— Уж больно горячий ты. В разведке выдержка нужна.

— Так я с тобой пойду. Ты и научишь меня. Тебе в Гражданскую войну восемнадцать было, а мне тоже нынче шестнадцать исполнилось. И я могу.

Митрофан Николаевич посмотрел на сына и с гордостью подумал: «Орленок, такой не пропадет в беде».

Было отцу и жалко Петю (сын ведь) и радостно — в сердюковскую породу пошел.

Прыжок

Поздней осенью сорок первого года, когда немцы приблизились к Москве, кавалерийский полк, в котором служил Петя Сердюк, был направлен в боевой рейд по тылам врага.

К этому времени Ласточку выписали из ветлазарета совершенно здоровой, и Петя был очень рад этому. Ему казалось, что другой такой чудесной лошади нет ни у кого на свете.

И вот однажды…

Ночь была тихая, спокойная, будто во всем мире нет никого, нет и противника, который мог подстерегать под каждым кустом. Стремена и пряжки были тщательно обмотаны зелеными тряпками, и кони и люди сливались с густыми лесными тенями.

Лейтенант Котов, вручая Пете донесение, приказал:

— Товарищ Сердюк, доставьте начальнику штаба в поселок Рудня. Времени на исполнение — час. Путь движения — правее шоссе, через лес, азимут — сорок четыре. — А потом по-дружески, тихо добавил: — Помни, Петро, мы находимся в

расположении противника… При встрече — в бой не вступать, разведать и обойти…

Петя повторил приказание, вскочил в седло и почти бесшумно нырнул меж сосен. Густой сосновый лес словно проглотил его. Только раз негромко хрустнула под ногами лошади сухая веточка, будто переломилась кость, и потом все стихло.

Лунная белизна кое-где прорывалась меж деревьев яркими бликами. Всадник правил лошадь по затемненным местам. Двигался легкой рысью, напряженно присматриваясь к кустам и деревьям. Земля местами покрыта тонкой ледяной корочкой, которая хрустит под ногами коня — раздражает ненужным шумом.

Проехав с полчаса, Петя очутился на опушке леса. Перед ним открылась широкая болотистая луговина. Продвигаться дальше опасно. Петя свернул налево и в это время услышал невдалеке говор. Круто придержав лошадь, настороженно прислушался: «Говор слева… Метрах в ста… Противник».

Сначала Петя хотел повернуть направо и ускакать, объехать болото где-нибудь правее и следовать дальше, в поселок Рудня. Но тут же мгновенно передумал: «Надо разведать… куда

направляются… сколько их…»

Петя свернул на опушку, где кустились молодые елочки. Потянул правый повод и, нажимая правым шенкелем на грудь лошади, сказал тихо, властно:

— Ложись, ложись!

Послушная лошадь слегка присела и медленно повалилась на левый бок. Откинув голову, она распласталась на сыроватой земле и глубоко вздохнула.

Петя прилег на грудь лошади и слегка раздвинул перед собой веточки елок. Теперь он прекрасно замаскирован. Могут пройти совсем близко и не заметить. Только бы Ласточка лежала спокойно.

Говор приближался, и уже можно было различить отдель ные немецкие слова. Петя почувствовал биение своего сердца — оно било как молотком. «Может, напрасно я задержался? Влипнешь и донесение не доставишь… — Но тут же успокоил себя: — Ладно. Если налезут, дам из автомата и гранатой подсыплю». Он скользнул левой рукой по поясу, на котором были пристегнуты две гранаты — рябоватые «лимонки». Руки цепко вросли в автомат.

Петя вспомнил слова отца: «Сынок, когда труд-

но, держи сердце в руках, а придет время — бей».

Вот они уже ясно видны — восемь всадников. Остановились. Один из них вынул из сумки карту и осветил ее тонким пучком карманного фонарика. В этот момент одна лошадь громко заржала, и ее ржание раскатилось по лесу звонким призывом. Пете показалось, что Ласточка напрягается всем телом, чтобы дать ответ. Петя судорожно вцепился рукой в верхнюю губу лошади и строго, умоляюще прошептал:

— Тихо… тихо…

Немец, смотревший на карту, указал по тому направлению, где лежал разведчик, и что-то проговорил.

Два всадника отделились от группы и спокойным шагом двинулись прямо на Петю. Вот они приблизились метров на пятнадцать. Петя нажал спусковой крючок автомата, и по лесу раскололась дробная очередь выстрелов. Один всадник вместе с лошадью рухнул на землю, а лошадь другого рванулась назад. Немец вылетел из седла.

Петя дернул за повод, Ласточка вскочила, он прыгнул в седло и, лавируя меж сосен, поскакал в лесную темноту. Того и гляди, разобьешь голову. Сзади слышны крики и стрельба. Пули посвистывают и щелкают по ветвям.

«Только бы ускакать… донесение доставить…» — тревожно думал Петя.

Слышит — скачут вслед за ним и кричат: «Хальт!» Лес редеет. Петя вылетел на простор. Впереди — широкий ров, справа и слева — болото. Ров шириной метров семь-восемь…

Возьмет ли его Ласточка? А она широким карьером смело неслась по тропе вперед. Вот уже виден ров, но лошадь не сбавляет ходу, а, наоборот, набирает и силу и скорость.

Петя отдает повод, пришпоривает Ласточку, и она пружинисто делает рывок вперед — вверх через ров…

Когда Ласточка, как сказочный Конек-горбунок, перенесла своего хозяина через страшный ров, Петя оглянулся. Преследователи подскакали ко рву и, круто осадив коней, пустили вслед Сердюку автоматную очередь. Петя почувствовал, как обожгло ему левую ногу в бедре. Проскакал дальше и въехал в лес. По всему телу вдруг разлилась какая-то странная теплота и слабость. Опасаясь погони, он углубился в лес и оторвался от противника. «Перевязку надо сделать… Перевязку…» Слезая с седла, Петя застонал от резкой боли и, упав на землю, потерял сознание. Ласточка испуганно покосилась на хозяина лиловым глазом,

храпнула и отошла в сторону.

Прошло несколько минут — и Петя очнулся. Ему показалось, что прошло несколько часов. Кругом него странная тишина. Только где-то далеко-далеко ухнул взрыв и где-то высоко-высоко рокочет самолет. Петя взглянул в просвет между деревьями: падает белая лунная полоса света и звезды мерцают, словно шевелятся. Значит, еще ночь? Надо торопиться, а то скоро рассвет. А где же Ласточка? Оглянулся по сторонам — нет ее. Неужели ушла? Петя хотел приподняться, но не смог. Слабость. Сильно хотелось пить…

И лечь бы в тепле, чтобы не шевелить ни ногами, ни руками.

От сырого холода тело охватила мелкая дрожь. И почему-то ужасно хочется спать. Наложить бы повязку на ногу, но пакет в переметной сумке. Где же Ласточка? Она где-нибудь здесь, неподалеку. Не уйдет. Петя вложил два пальца в рот и тихо свистнул. Прислушался — нет, не отвечает. Еще раз свистнул посильнее и в ответ услышал справа легкое ржание. Ласточка! Треснул сломанный сук, и из лесных теней показалась лошадь. Повод у нее волочился по земле. Подойдя к хозяину, она ткнулась мягкими губами в ладонь и чуть зашевелила ими.

— Ах ты, глупая… Нет у меня ничего сейчас… Что ты, не видишь, что ли?..

Пете показалось, что Ласточка просит у него сахару.

Он еще раз попытался подняться и не мог. Как же сесть в седло? Петя придвинулся к лошади и уцепился за «щетку». Ласточка послушно согнула ногу, но стояла неподвижно и смотрела на хозяина так, словно спросить хотела, чего ему нужно. Петя потянул за повод вниз и сказал:

— Ложись… Ложись…

О, это слово хорошо знала Ласточка! Она посмотрела на землю, как будто примеряясь, где бы лечь, чтобы не задавить хозяина, и затем, приседая, осторожно повалилась на левый бок. Седло оказалось рядом с Петей. С усилием он вполз в седло и, уцепившись за переднюю луку, шевельнул лошадь.

Ласточка встала. Петя посмотрел на компас, закрепленный на правой руке, и тронул Ласточку.

…Рассветало. Молочный туман заливал лощину. Дозорные конники Пухов и Ведерников находились в укрытии на опушке леса. И вдруг они увидели странного всадника, выезжавшего из леса: конь шел без управления, повод уздечки волочился по земле; чтобы не наступать на

повод, конь отвел голову в сторону и шел как-то боком; всадник лежал грудью на передней луке, прильнув лицом к шее коня и судорожно вцепившись руками в гриву.

Дозорные конники подъехали к странному всаднику и узнали в нем Петра Сердюка. Они подхватили повод от Ласточки и хотели снять с седла своего товарища, но он забормотал: — Не надо… Я сам доеду… Скорее в штаб…

Когда приехали в расположение штаба, из землянки выбежал старый казак Митрофан Сердюк и принял сына на руки. Тело Пети ослабело и отяжелело.

— Петро, сынок… Ну что ты, а?.. Очнись…

Прибежавший санинструктор привел Петю в чувство и сделал ему перевязку. Увидев встревоженного отца, Петя тихо сказал:

— Ничего, батько, не беспокойся. Ласточку мою никому не отдавайте. Я скоро вернусь из госпиталя…

Разбойник и Мишка
(Рассказ сержанта)

Шла битва за Сталинград. Наша транспортная рота находилась на левобережье в блиндажах, вырытых в склоне оврага. Местность там степная, голая — ни лесочка, ни кусточка. Старший повозочный ефрейтор Нестеров вез боеприпасы к берегу реки, на баржу, как вдруг налетел «юнкерс» и сразил обоих его коней. Жаль было лошадей, но горевать в бою некогда — надо доставать замену. В это время из колхоза «Победа», Эльтонского района, привели партию верблюдов — подарок фронту. Председатель колхоза Воробьёв сказал командиру дивизии генерал-майору Родионову: — Гоните вы этих «коршунов» от Волги-матушки поскорее. А мы уж вас всем обеспечим, чем надо… Живые подарки распределили по полкам. Но командир транспортной роты гвардии лейтенант Саблин был такой страстный конник, что, кроме лошадей, ничего не признавал. Поэтому-то, когда он увидел двух верблюдов,

приведенных Нестеровым с ДОПа[3], рассердился на старшего повозочного:

— Ну к чему, Матвей Иваныч, ты этих «жирафов» приволок в нашу конную роту? Куда они годятся? Ни подковать, ни замаскировать… Гляди, какая мишень: при первом же огне вом налете скосит их осколками. И роту демаскировать будут. Да и климат им на западе не подходящий будет…

А старый служака свое докладывал командиру роты:

— Товарищ гвардии лейтенант, лошадей-то у нас нехватка, да и те ослабли, а груза надо подвозить много. Дороги-то, видите, как дождями развезло, машины грузнут. А эти вездеходы не затормозят и не забуксуют. И овса им не надо.

Было бы только соломки вдоволь или бурьяну да соли.

Я на них с малолетства работал, знаю. А насчет маскировки не беспокойтесь: я научу их, как вести себя на фронте…

Приведенные Нестеровым верблюды были разные: один одногорбый, тонкий и высокий, упрямый и злой, а другой — двугорбый, пони-

---

[3] Примечания: 3
ДОП — дивизионный обменный пункт.

же ростом и поплотнее сложен, спокойный и послушный. И шерсть у них разная была: у дромадера[4] — грязно-песочного цвета, реденькая и короткая, а у двугорбого — буроватая, густая и кудрявая.

Первого Нестеров окрестил Разбойником, а второго Миш кой. Запряг их Нестеров в парную повозку, сделал один рейс на ДОП и докладывает командиру роты: все, дескать, в порядке — и груза привез целую тонну, и вовремя уложился. Тогда командир роты вечерком, в сумерках, выстроил наш взвод в овраге перед блиндажами, скомандовал Нестеро ву четыре шага вперед перед строем и сказал торжественно так:

— Товарищ гвардии ефрейтор, вручаю вам двух тяжеловозов.

И передает ему поводья. А верблюды тут же, за спиной лейтенанта, стоят и спокойно смотрят на людей, будто все это их совсем и не касается.

Передал лейтенант Нестерову верблюдов и говорит дальше:

— Работайте на верблюдах и берегите их, как ценное народное достояние. Только научите их военному делу, а то ведь они допризывную под-

---

[4] Примечания: 4
Дромаде́р — одногорбый верблюд.

готовку не проходили…

Кончил серьезно говорить, а в глазах улыбка. Улыбаемся и мы.

Принял Нестеров верблюдов и сказал командиру роты свое солдатское слово:

— Все будет в порядке, товарищ гвардии лейтенант! Не подведу роту.

И взялся Нестеров за военное обучение верблюдов. Толковый, опытный был мужик, из-под Уральска. Старый, а еще крепкий. Председателем колхоза работал. У него три сына были на фронте, и сам добровольцем пошел. Спокойный, работящий. За это его в роте все уважали. Командир роты его даже по имени-отчеству называл, а мы в шутку величали Бородачом.

Первым делом Нестеров стал приучать своих верблюдов ложиться по команде. Послушный Мишка очень скоро понял команду и ложился, а Разбойник или не понимал команды, или просто не хотел ее выполнять. При налетах авиации он страшно пугался, дрожал и рвался куда-то бежать. А когда Нестеров хватал его за повод и дергал вниз, понукая лечь, Разбойник артачился, хрипло кричал и отплевывался жидкой зеленой жвачкой.

Как-то мы посоветовали Нестерову:

— Чего ты с ним нянчишься? Попотчевал бы его кнутом хорошенько — глядишь, и послушнее был бы.

А Нестеров на это спокойно ответил:

— Нет, товарищи, на кнуте далеко не уедешь. Хуже будет. Я уж знаю.

И стал прикармливать непослушного Разбойника хлебом с солью. Соль-то верблюды любят больше всего — жить без нее не могут. Положит Нестеров кусочек хлеба на землю, посыплет его густо солью и приговаривает: «Ложись... ложись».

А так хватать не дает. Чтобы воспользоваться вкусным угощением, непокорный верблюд вынужден был ложиться на землю. Но этого еще мало. Ведь когда верблюд ляжет, то здоровенная его голова на длинной изогнутой шее высоко торчит над землей — хорошая мишень для осколков. Матвей Иванович стал приучать верблюдов вытягивать по земле шею. Послушный Мишка охотно это проделывал, получая в награду хлеб с солью. А Разбойник тоже ляжет, вытянет шею по земле, схватит лакомый кусочек и опять задирает голову кверху. Глаза злые, уши маленькие, нижняя губа отвисла ложечкой, а верхняя над ней нависла. По одним губам видно было, что

капризный. Уж на что терпелив был Матвей Иванович, но и тот иногда не выдерживал и ругался:

— У-у, чертяка противный! Погоди вот, дьявол, трахнут тебя враги по непослушной башке, тогда припомнишь, чему я тебя, дурака, учил…

Глядя на старания Нестерова в дрессировке верблюдов, мы шутили:

— Вот, Матвей Иваныч, как война кончится, в цирк с ними пойдешь. На старости лет кусок хлеба. И народ потешать будешь, и денег много заработаешь.

А Нестеров серьезно нам отвечал:

— Не понимаете вы этой скотины — вот и смеетесь.

Я в свой колхоз взял бы их за хорошие деньги. Вы еще увидите, на что они способны…

Сначала Нестеров возил грузы с ДОПа до нашей роты, а на передовую его не пускали. Но когда командир роты увидел, как верблюды работают и слушаются своего хозяина, он доверил Нестерову возить боеприпасы на огневые позиции полковых батарей.

— Вот вам и «жирафы»! — говорил командир роты. — Надо было к ним только умелые руки приложить — и смотрите, какая это полезная скотина на фронте. Пожалуй, придется одному

взводу целиком на верблюжьи упряжки перейти. А тебя туда, Матвей Иваныч, старшим инструктором, что ли, назначить?

От этих слов Нестеров повеселел. Каждому ведь приятно среди товарищей примерным быть.

Повез Нестеров снаряды на огневые позиции батарей и с первого же раза попал под артиллерийский налет.

— Ложись! — крикнул Нестеров и прыгнул в щель.

Оба верблюда шлепнулись по команде на землю. Мишка вытянул по земле шею, а Разбойник задрал голову кверху и крутит ею во все стороны: не то выбирает направление, куда бы стрекача дать, не то высматривает врага, чтоб оплевать его жвачкой. Снаряды сначала свистели и ложились далеко от батареи — то недолет, то перелет, — а то вдруг снаряд прошуршал совсем близко и... тр-рах по батарее!

Разбойник испуганно взревел, вскочил на ноги, рванулся в сторону и, оборвав постромки[5], помчался по степи куда глаза глядят. От страха ввалился в овраг, там его Нестеров и нашел потом. Верблюд лежал и тяжело дышал, обесси-

---

[5] Примечания: 5

Постро́мки — ремни в запряжке лошадей.

ленный, мокрый от пота, в крови. Два осколка поразили его: один пронзил холку, а другой в затылке застрял.

Пришлось раненого Разбойника эвакуировать в ветлазарет, где ему сделали операцию и удалили из головы осколок.

Через три недели Разбойника вернули в строй, и он опять стал таскать грузы, но переменился как-то… Не знаю только отчего: то ли тяжелое ранение запомнилось, то ли покорило терпеливое упрямство Нестерова. Своенравный верблюд стал послушнее: при обстреле быстро ложился и струной вытягивал по земле длинную шею. Только вздрагивал и стонал — видно, все-таки боялся.

Зимой, когда наши войска дробили и уничтожали окруженных врагов, снарядов потребовалось очень много, а дороги так завалило снегом, что машины застревали. Даже в пароконной упряжке трудно было ездить: дороги узкие, а чуть в сторону — снег по брюхо лошади. Все обозы пришлось перевести на одноконную упряжь, и многие части завели себе верблюжьи транспортные роты, которые перевозили много боеприпасов. И у нас сформировали один взвод на верблюдах, а старшим в нем поставили Нестерова.

Лошадям тогда туговато пришлось: из кормов одна солома была, а работа тяжелая. Истощение началось и падёж… А верблюды ничего — всё выносили.

Нестеров придумал возить живыми тягачами санный по езд: связал по трое саней за каждым верблюдом. Один взвод за три взвода груза возил. За выполнение такого боевого дела Нестерова в сержанты произвели и наградили медалью «За боевые заслуги». А командир роты, старший лейтенант Саблин, назвал его фронтовым ударником. Все мы очень рады были и поздравляли его.

Но после битвы на Волге опять перешли на коней и всех верблюдов вернули из частей в колхозы: колхозам надо было с весны хлеб сеять — тягла у них совсем мало осталось.

А Нестеров со своей парой верблюдов не мог расстаться.

Мы шли на запад, и эти степняки легко переносили новый для них климат.

Нестеров берег их от огня противника, но на войне ведь всякие неожиданности бывают…

В январе сорок пятого года наши войска гнали гитлеровскую армию от Вислы к Одеру. Остатки разбитых частей скрывались в лесах. Наши войска так быстро продвигались вперед, преследуя

противника, что даже обозы на конной тяге не успевали за пехотой и отрывались от своих частей. Да и пехота не шагала пешком, а двигалась на машинах и трофейных лошадях.

Зима на Западе какая-то скучная, мокрая: то выпадет снег, а то, глядишь, через два дня растает. Нестеров как-то сказал:

— Вот кислятина… Не поймешь, то ли зима, то ли осень. Вишь, и в климате у нас более четкий порядок: уж если зима, так зима, а осень так осень!

Западный сыроватый климат и жесткие шоссейные дороги особенно расстраивали Нестерова. Дело в том, что подошвы у верблюдов мягкие, их ведь не подкуешь. Скользят по мокрому асфальту, падают, а потом захромали — подошвы потерлись до живого мяса. А у Мишки еще и растяжение связок получилось. Хоть бросай верблюдов на месте. Нестеров смастерил из толстой резины башмаки и обул в них своих тяжеловозов. Пошли опять хорошо: не скользят и подошвы не трутся о камни. Только Мишка от растяжения не мог работать. Нестеров перепряг Разбойника в одноконную повозку.

Отстала немного наша рота от своего полка в районе города Дейч-Кроне.

Вечерело. Наступили сумерки. Наш обоз двигался по лесной дороге. И вдруг застрочили из лесу. Пули — фью-у, фью-у… цвик-цвик! Гвардии старший лейтенант Саблин скомандовал: «В ружье!», а потом: «Цепью в кювет! Ло жись!

Беглый огонь!»

Схватились мы за свои автоматы — да с повозок долой. Залегли в кювет и смотрим: где же враги? Не видать их.

А они спрятались за деревьями и сыплют: видно только, как огонь из автоматов брызжет. По этим огонькам и повели мы ответный огонь. А обоз, конечно, на дороге остался. Лишившись управления, Разбойник шарахнулся с дороги в сторону, в лес, а Мишка, привязанный сзади за повозку, оборвал повод и лег на дороге.

Увидел Нестеров, что Разбойник мчится в лес, прямо в лапы к врагу, да как крикнет что есть мочи: «Ложись!»

Услышал Разбойник повелительный голос своего хозяина и плюхнулся на землю.

Ведут огонь фашисты со всех сторон, а один из их автоматчиков подполз к Нестеровой повозке и потянул за повод Разбойника. Верблюд ни с места, даже голову не поднял с земли. Хотели мы этого фашиста на мушку взять, да опасались в

верблюда попасть. А бандит видит, что верблюд не трогается с места, взял и ткнул его автоматом в морду. Не привык Разбойник к такому обращению: поднял голову и харкнул на врага вонючей жвачкой. Залепил ему все лицо. И смех и грех! Закричал что-то фашист и еще сильнее ударил Разбойника автоматом. А сам пополз от него. Рассвирепел Разбойник, вскочил с земли и бросился за обидчиком. А тот испугался, вскочил и полоснул очередью в живот верблюду. Взревел Разбойник не своим голосом и присел, но не упал. Двумя прыжками он настиг фашиста, хрупнул его за шею зубами и всем телом рухнул на него…

Тут раздалась команда нашего командира роты. Выскочили мы из кювета и с криком «ура!» повели на ходу огонь из автоматов, забросали противника гранатами. Рассеялись фашисты по лесу, оставив на месте убитых и раненых…

Подошли мы к Разбойнику. Он медленно и тяжело умирал: часто закрывал большие помутневшие глаза и протяжно стонал. Из-под него вытащили мы фашистского налетчика. Он был мертв. Разбойник переломил ему позвоночник.

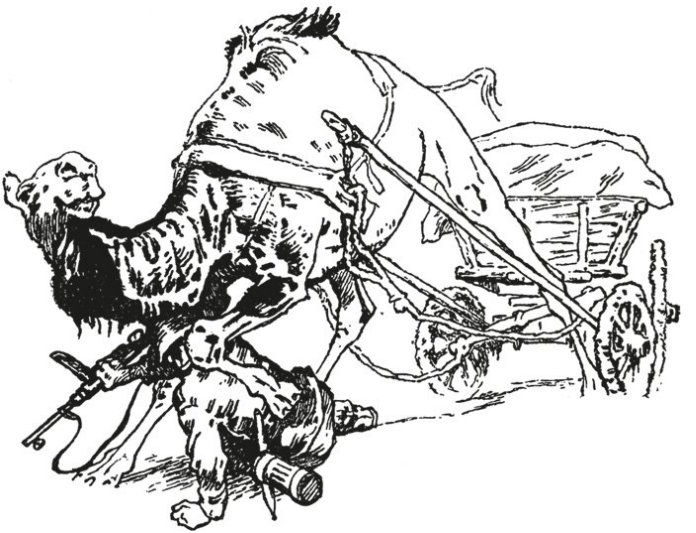
Покачал седой головой наш Матвей Иванович и печально сказал:

— Ах ты, милый мой Разбойник… Не пришлось

тебе дойти с нами до логова звериного… И труды мои пропали…

Жалко и нам было животное, а еще больше своего друга Нестерова.

Остался от парной упряжки один Мишка, и, после того как он перестал хромать, пришлось спаровать его с трофейным конем, тяжелым рыжим брабансоном.

В первых числах мая сорок пятого года, после падения Берлина, наша рота двигалась колонной по длинной Франкфуртштрассе. Впереди, верхом на красивом коне, ехал гвардии капитан Саблин, а на первой подводе, запряженной верблюдом и конем, восседал гвардии старшина Нестеров.

На груди у него красовались орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги». Расчесанная, аккуратная борода отливала серебром. На длинной шее его питомца Мишки висела красная лента с пышным бантом.

Глядя на развалины каменных домов, Матвей Иванович сказал:

— Вот оно, логово-то, какое общипанное…

На обеденном привале мы кормили голодных немецких детей хлебом, мясным супом и кашей. Накормленные и повеселевшие, они благодарили нас и совали нам в руки открыт ки берлинских видов. Показывая на снимок канцелярии Гитлера, дети смеялись и говорили:

— Геббельс… ал-ла-ла-ла!

— Вот именно «ал-ла-ла»!.. Доболтались «мировые владыки». Ни с чем остались… И до чего довели народ германский, а? — сокрушался Матвей Иванович.

В Берлине, на окраине, мы простояли с полгода. Жили в хороших домах, но все очень тосковали по своей земле и своим хатам.

И Мишка стал что-то хиреть, похудел, холка свалилась набок. Сырой-то климат им вредит.

Командир роты и говорит как-то Нестерову:

— Матвей Иваныч, ты сводил бы своего Мишку

в зоопарк, что ли, развлек бы немного. Там ведь его родичи есть.

Гвардии капитан Саблин, наверно, пошутил, а Нестеров и подумал: «Может, и взаправду Мишка о своих родичах стосковался?..» — взял да и повел его в зоопарк. И мы пошли посмотреть.

Пришли и видим: бродит там двугорбый чахлый и грязный верблюдишка. Шерсть на нем местами вылезла, а местами свалялась кошмой.

Но из этого свидания двух родичей ничего не вышло. Мишка даже не подошел к заграничному верблюду.

И сказал тогда Матвей Иванович:

— Э-э, видно, не та у них закваска! Замурзанный очень. Пойдем-ка, Мишка, подальше отсюда, а то еще заразы какой-нибудь наберешься...

Показал Нестеров своему Мишке бегемотов и слона, но и от этого верблюд не повеселел. Повел его Нестеров из зоопарка, вздохнул тяжело и сказал:

— Эх, Мишутка, друг мой, видно, и тебе чужой климат не по нутру! Домой бы нам теперь, в свою степь-матушку.

На сладкий молочай и горячее солнышко...

Да, ничего нет милее родных мест!

В конце сорок пятого года Нестерова демобили-

зовали, и поехал он на родину с Мишкой. Бумагу Нестерову такую выдали, что, дескать, верблюд дается в подарок от гвардейцев колхозу «Советский труженик».

И покатили мы на свою родину, довольные и радостные. Многие ехали с подарками от своих командиров — кто с мотоциклом, кто с велосипедом, кто с аккордеоном, а гвардии старшина Нестеров — с верблюдом. На станциях народ толпился у его вагона. Удивлялись люди, некоторые смеялись, а Нестеров нисколько не смущался и говорил им:

— Это только молодежи нравятся всякие тарахтелки да погремушки, а нам скотина дороже всего в хозяйстве.

Дружок

Однажды в какой-то сожженной деревушке к нам пристал пес, черный, с желтыми надглазниками, лохматый и грязный. Был у нас тогда в роте замечательный пулеметчик татарин Абдулла Рафиков, тихий такой, малоразговорчивый, но очень смелый в бою и сердечный к товарищам.

Так вот этот Абдулла приласкал беспризорную собаку, накормил ее супом с хлебом и даже вымыл в реке. Довольный пес отряхивался от воды, чихал, доверчиво смотрел на свою заботливую няньку и лизал Рафикову руку. А мы смеялись:

— Ну, псина-образина, тебе такой уход, наверное, и во сне не снился.

Все мы очень полюбили этого простого пса, который чем-то напоминал нам мирную сельскую жизнь в родном доме. На фронте это часто бывало: таскают солдаты за собой то собаку, то жеребенка и в минуту отдыха от боев и походов играют с ними, ласкают и балуют.

Назвали мы приблудного пса Дружком.

Быстро свыкся пес со своим новым положением, обжился в роте и хорошо знал всех бойцов, но главным своим хозяином считал Абдуллу Рафикова.

Но вот как-то раз командир роты и говорит Рафикову:

— Что он у нас даром хлеб ест? Ты научи его чему-нибудь полезному. Пусть службу несет.

И стал Рафиков обучать Дружка военному делу.

Обмотает его пулеметной лентой, и ходит пес за ним, носит патроны. А потом стал обучать переползанию. Бросит подальше кусок мяса, ляжет на землю и вместе с собой положит Дружка. Затем сам ползет и собаке приказывает:

— Ползи… ползи…

Пес сначала вскакивал и хватал мясо, но упрямый дрессировщик выдергивал кусок из зубов своего любимца и, нажимая ему рукой на спину, настойчиво заставлял ползти.

Недоверчиво смотрели мы на эти уроки и смеялись над своим товарищем:

— Брось, Абдулла, с ним возиться. Это же простая дворняга — ничего из него не получится. В деревне он только лает да ворон пугает.

А Рафиков упорно стоял на своем:

— Постой немного. Он ученый будет.

Так и вышло.

Смотрим, через некоторое время ползать стал Дружок по одной только команде «Ползи!». Проползет немного и сразу же получает от хозяина награду — кусок мяса или сахару.

И стал Дружок нести боевую службу.

Бывали такие случаи. Окопавшись на высотке, лежит Абдулла со своим помощником Васей Королёвым и сыплет из пулемета по врагу. Недалеко в овраге — патронный пункт. Там Дружок лежит. И вот в самый разгар боя, когда патроны у пулеметчиков на исходе, а поднести к ним из-за сильного огня противника трудно, посылают Дружка. Получив приказание «Ползи!», он срывается с места и бежит, а потом ложится на живот, вытягивается и ползет, плотно прижимаясь к земле.

Пули кругом него свистят, иногда мины рвутся, а он продвигается все вперед и вперед. Снимут с него пулеметчики патронную ленту и посылают обратно.

А после боя каждый старался чем-нибудь да угостить Дружка. Завели ему отдельный котелок и варили конину. Нашлись и такие шутники, что

пытались научить Дружка пить водку и курить махорку, но из этой забавы ничего не вышло.

А Рафиков обижался на озорных товарищей:

— Не надо портить собаку. А то слушаться не будет.

Все мы очень довольны были и службой и дружбой этой собаки, но на войне часто теряем мы вдруг то, что нам очень дорого и чего мы никак не хотим терять…

Однажды во время боя подполз Дружок с патронами к Абдулле, и в это время недалеко разорвалась мина. Рафиков будто нехотя отвалился от пулемета, и пулемет замолк. Дружок заскулил и завертелся волчком на месте, хватаясь зубами за раненую лапу.

После успешной атаки мы поднялись на высотку, где было пулеметное гнездо Рафикова. Недалеко от пулемета мы подобрали тяжелораненого Васю Королёва, помощника наводчика, а в окопчике навзничь лежал наш славный наводчик и рядом с ним его верный Дружок. Положив на грудь своего хозяина передние лапы, он жалобно скулил…

С большой печалью мы похоронили своего боевого товарища на опушке рощи, недалеко от деревни Голубочки. На могиле его поставили

маленький деревянный памятник и написали на нем: «Погиб смертью храбрых за Советскую Родину пулеметчик Абдулла Рафиков, год рождения 1912».

А Дружку перевязали раненую ногу и положили его в повозку.

Наша часть отходила. Ночью мы выехали из деревни и к утру, проехав километров десять, вдруг заметили, что Дружка в повозке нет. И куда он делся — никто не знал.

Дня через два мы снова с боем заняли деревню Голубочки и пошли на могилу товарища. На опушке леса мы остановились: надмогильный деревянный памятник выворочен и разбит, а у могилы лежит Дружок с простреленной головой. От местных жителей мы узнали вот что.

После нашего ухода из деревни в нее вошли фашисты, и один автоматчик, проходя через опушку леса, увидел могилу Рафикова. Он подошел к ней и ударил ногой по деревянному памятнику. В это время из-за дерева на него набросилась хромая черная собака и вцепилась зубами в ногу.

Немец сначала испугался, закричал, а потом, придя в себя, оттолкнул собаку прочь и прострочил ее автоматной очередью…

Мы закопали верного Дружка тут же, под де-

ревом, около могилы его хозяина — славного пулеметчика Абдуллы Рафикова.

Подвиг санитара

Однажды в наш лазарет привезли раненую собаку. Это был лохматый темно-серый пес, похожий на кавказскую овчарку, ростом с доброго теленка. И кличка у него была какая-то размашистая — Разливай.

Мы удалили осколки, и раны стали быстро заживать.

У собак хорошо зарастают раны.

Недели через две, когда собака уже выздоравливала, в лазарет пришел ее хозяин. Был он пожилой, кряжистый, с большим скуластым лицом, выбритым до синеватого глянца. Обращаясь ко мне, поднял к козырьку руку и предста вился:

— Ефрейтор Ткачук. Вожатый-санитар. Раненых возил. Трех собак миной уложило, а нас с Разливаем миновала…

Говорил он легко, без напряжения, и мощный, грудной бас гудел у него, как из бочки. «Вот, наверно, поет…» — подумал я. Левая рука у него была забинтована и висела в согнутом виде на салфетке. На левой стороне широкой груди серебристо поблескивала новенькая медаль «За

боевые заслуги».

— Я сейчас в медсанбате, — продолжал ефрейтор, — в команде выздоравливающих. Хотели меня эвакуировать дальше, да я упросил оставить. Наша дивизия для меня — дом родной.

Мы сняли Разливая с привязи. Он подошел к своему хозяину и ткнулся мордой в колени. Собака даже не виляла хвостом.

— Суровый ваш Разливай… — сказал я.

— Такой уж у него характер, — пояснил Ткачук, — неразговорчивый. Но хозяина не подведет. Я его взять хочу. Можно?

— Пожалуй, можно, но зачем он вам теперь один-то?..

— Я ему напарников присмотрел в деревне. Буду готовить новую упряжку, а Разливай вожаком будет. Он у меня опытный: школу окончил и пороху понюхал…

Прощаясь со мной, Ткачук озабоченно сказал:

— Меня весна беспокоит… Снег скоро сойдет, а тележки-то у меня нет. На волокуше по земле тяжело.

Солнце уже пригревало по-весеннему. Снег посинел и осел. Зачернели высотки. В оврагах под снегом накапливалась вода.

— Приходите к нам в лазарет, — сказал я, — у

нас кузница есть, и кузнец хороший. Может, что-нибудь смастерим…

— Ладно. Отпрошусь у командира санбата. Приду.

Наш лазарет располагался в совхозе, в двух километрах от медсанбата. Рабочие были эвакуированы куда-то на восток, и в совхозе мы были полными хозяевами. В конюшнях и коровниках стояли раненые лошади, а в кузнице мы ковали лошадей и чинили повозки. Был у нас замечательный кузнец, Григорий Дёмин, мастер на все руки: он и лошадь подкует, повозку починит и часы исправит. Встречаются в народе такие таланты.

Через несколько дней Ткачук пришел в лазарет, и я его свел с Дёминым.

— Надо бы тележку сделать, — сказал Ткачук, — хорошо бы на шариках. Полегче возить собачкам.

— Не знаю как, — ответил Дёмин, — на шарикоподшипниках я еще не делал. Подумаем.

Дёмин не любил много говорить и не давал обещаний, но делал все добротно. Недалеко от нас, в деревне, стояла автомобильная рота. В этот же день, как пришел Ткачук, Дёмин съездил в автороту и привез шариковые подшипники.

— Шоферы дали от разбитых машин. Попробуем приспособить к тележке…

Они приступили к работе. Стоял теплый, солнечный апрель. Земля обнажилась от снега и была мокрая, липкая, еще холодная, а днем под солнышком от нее шел парок. Кое-где уже пробивалась иголочками изумрудно-зеленая травка.

Израненная окопами и воронками земля терпеливо ожидала своего хозяина — труженика.

Дёмин и Ткачук делали тележку на дворе, около кузницы. Ткачук прикрыл глаза рукой от яркого солнца и сказал со вздохом:

— Эх, какая благодать!.. Теперь бы на земле поработать, а вот приходится на войну все силы отдавать…

Рукава у него были засучены по локоть, и могучие руки, смуглые и волосатые, как будто были высечены из дуба. Дёмин, светловолосый и голубоглазый, около кряжистого Ткачука казался тонким, хрупким подростком. Но, несмотря на большую разницу в годах, Ткачук слушался Дёмина и охотно помогал ему в работе. Иногда они пели вполголоса «Славное море, священный Байкал», и голос Ткачука гудел густо, а тенорок Дёмина вился вокруг баса длинной, тонкой ленточкой. Мне нравилось, как они пели, и я

попросил их спеть погромче, в полный голос.

На мою просьбу Ткачук ответил:

— Нельзя ведь мне. Демаскировать буду. Враги услышат…

Ткачук шутил: мы были в пятнадцати километрах от передовой, но в его шутке была доля правды. Голос у него был необычайной силы.

За несколько дней они смастерили тележку. Это была колесно-носилочная «установка» на шарикоподшипниках. На деревянную раму поставили и укрепили санитарные носилки. Они быстро и легко снимались с рамы, и на них можно было нести раненого. Тележка катилась легко.

Ткачук был очень доволен и, прощаясь со мной, поблагодарил за помощь:

— Золотые руки у Дёмина. Хоть бы жив остался. Такой человек в хозяйстве — клад. — Помолчал и добавил: — У меня есть сын вроде Дёмина, Сергей. Где-то под Ленинградом. Давно что-то писем не шлет…

Ткачук нахмурился и поник головой.

Санитар Ткачук увез свою тележку в медсанбат, и вскоре я увидел его за работой.

В тележку были впряжены две пары разномастных собак: впереди, справа, серый Разливай, рядом с ним рыжий Барсик, а в коренной паре

— черный лохматый Жучок и белый Бобик. Все три новые собаки — простые дворняги, малорослые, но с растянутым мускулистым телом, как и подобает быть ездовой собаке. Видно было, что Ткачук подбирал их с умом. Рядом с ними крупный Разливай казался львом. Собаки держали хвосты по-разному: Разливай — поленом, Жучок и Бобик — серпом, а Барсик — бубликом.

От тележки протянуто вперед канатное дышло-потяг, на котором попарно пристегнуты собаки. На груди у них плотно прилажены алыки-шлейки.

Когда Ткачук запрягал собак, Барсик зарычал, и шерсть у него на холке вздыбилась щетиной. Позади него Жучок тоже зарычал и прижал уши. Казалось, вот-вот сцепятся.

Ткачук крикнул:

— Эй ты, Барсик! Нельзя!

И ударил злобного зачинщика вдоль спины бичом. Барсик взвизгнул и притих. По команде «Вперед!» Разливай натянул потяг и шагнул. За ним пошли и остальные собаки.

Оглянувшись назад, Барсик опять зарычал на Жучка и замедлил шаг. Наверно, ему казалось, что Жучок, идя сзади, может на него напасть. Жучок лаял, и это раздражало Барсика.

Ткачук крикнул:

— Разливай! Фас! Жучок, тихо!

Разливай, не замедляя хода, схватил зубами Барсика за шею и тряхнул его. Барсик заскулил, как будто прося пощады, и, поджав хвост, пошел дальше послушно.

Ткачук шел рядом с упряжкой и управлял голосом и жестами. Его команду понимал только Разливай, а другие собаки, глядя на вожака, делали все так, как делал он.

Иногда санитар покрикивал:

— Бобик! Бобик!

— Этот пес у меня большой лодырь и хитрец, — сказал Ткачук, обращаясь ко мне, — от хода упряжки не отстает и алык не натягивает. А крикнешь — тянет.

Впереди, недалеко от упряжки, шел солдат с автоматом. Вот он остановился и дал короткую очередь: тра-та-та-та… Дворняжки испугались, взвизгнули и шарахнулись в разные стороны. Ткачук крикнул: «Стой!» Разливай остановился и затормозил всю упряжку. Барсик и Бобик, глядя на вожака, тоже остановились и прижались к Разливаю. А Жучок залез в тележку и, уткнув морду в дно, закрыл глаза. Теперь он в безопасности!

Ткачук подошел к упряжке и тихо сказал:

— Спокойно, спокойно. — Поглаживая собак по спине, он дал им по кусочку мяса. А на Жучка крикнул: — Эй ты, «герой»! Вылезай!

Жучок нехотя вылез и потянулся к руке вожатого за мясом. Ткачук отвел руку назад за спину и строго сказал:

— Не заслужил, пустобрех и трус. На место!

Все собаки встали на свои места.

Невдалеке стояли товарищи Ткачука из команды выздоравливающих и посмеивались:

— И чего ты, Ткачук, с этими шавками возишься? Грызутся, как собаки, и трусят, как зайцы.

— Собачья кавалерия! Никакого толку от них не будет…

На эти насмешки Ткачук сдержанно ответил:

— Дайте только срок.

Ткачук приучал их ложиться. Он говорил: «Лежать. Лежать». Разливай сразу ложился, а дворняги стояли, не понимая команды. Ткачук брал собаку правой рукой за передние лапы и вытягивал их по земле вперед, а левой рукой слегка нажимал на спину и приговаривал: «Лежать… лежать…» Собаки ложились.

После тренировки Ткачук распряг собак и пустил их в загончик, сделанный из прутьев. Потом налил им в корыто супу и покрошил маленькими

кусочками вареную конину. Собаки бросились к кормушке и, ворча, торопливо стали глотать кусочки мяса. Ткачук ухмыльнулся:

— Ничего. Привыкнут в одной кормушке есть — и в упряжке дружнее ходить будут.

Облокотившись на плетеный заборчик, солдаты весело переговаривались между собой: — Автомобильно-собачья самоходка! Ты у нас, Иван Тимофеевич, как настоящий цирковой артист-дрессировщик.

А один из товарищей заметил:

— Здесь вам не цирк... Как трахнет снарядом, так и разбежится куда попало вся четвероногая команда. — Не разбежится, — сказал Ткачук.

Вскоре ефрейтора Ткачука послали в полк, а через два дня я услышал о его новом подвиге.

Попал Ткачук в третью роту, где не было вожатых-санитаров. Рота сидела в окопах, в обороне. Для раненых была сделана землянка, от которой шли ходы сообщения к главной траншее. По траншее и ходам сообщения санитары-носильщики доставляли раненых в землянку, а оттуда отправляли их на батальонный медицинский пункт. Местность была открытая, противник сидел на командных высотах, и поэтому раненых из роты эвакуировали только в ночное время.

Ткачук со своей упряжкой пришел в роту тоже ночью и сразу же выкопал в траншее для каждой собаки нишу.

Они залезли туда и сидели, как в норах. Надежное укрытие от снарядов. После этого Ткачук прикорнул немного, а когда рассвело, стал обозревать местность: нет-нет да и выглянет из траншеи и посмотрит то в тыл, а то в сторону противника.

Подошел к нему санинструктор старшина Вилков и строго сказал:

— Товарищ ефрейтор, чего голову выставляете? Подсекут снайперы.

— Местность изучаю, товарищ старшина, путь эвакуации и систему огня противника.

— Ишь ты, систему огня… — усмехнулся старшина. — Все равно днем никуда не сунешься. Как трахнет снарядом или миной, так всю твою собачью систему в пух и прах разнесет.

Старшина Вилков был опытным санинструктором, но собачьей упряжкой пренебрегал. Он даже командиру роты сказал:

«И зачем только нам собак прислали? Псиной воняет, а как залают — демаскировать будут. Без них обходились…»

А командир роты капитан Тихомиров уклон-

чиво ответил:

«Пусть их. Может, пригодятся».

Часов в двенадцать дня к санитару-вожатому подбежал посыльный и тихо, но тревожно сказал:

— Ефрейтор Ткачук, к старшине в землянку. Живо!

Пригибаясь, Ткачук побежал по траншее. В землянке на носилках лежал капитан Тихомиров. Гимнастерка в крови, грудь забинтована. Лицо бледное, нос заострился. Дышал тяжело, с хрипами. Глаза закрыты.

Заместитель командира роты старший лейтенант Костерин сказал Ткачуку:

— Товарищ ефрейтор, капитан ранен тяжело — в грудь. Дотемна ждать нельзя. Нужна срочная операция. Может, вывезете его на своей самоходке до санвзвода?

— Попробую, — ответил Ткачук и подумал: «Все как на ладони видно… Трудно будет проскочить…»

Старший лейтенант угадал сомнение ефрейтора:

— Не бойтесь. Вас прикроют огнем наши пулеметчики и батарея. Я договорился с комбатом по телефону.

В это время огонь противника стал затихать. Наступали обеденные часы. «Это хорошо, — подумал Ткачук, — вот я, может, и проскочу, пока они обедают...» Старшина Вилков взглянул на собак с досадой:

— Эх, пеструшки... Демаскировать будут.

— Не беспокойтесь, товарищ старшина, я их замаскирую, — сказал Ткачук.

Сзади к раме тележки был привьючен мешок, саперная лопата, топор и брезентовое ведро. Ткачук достал из мешка маскхалатики и одел в них собак. Все собаки стали серобуро-зелеными, под цвет местности. И на себя Ткачук накинул халат такого же цвета.

Старшина Вилков остался доволен:

— Вот это я понимаю, порядок.

Старшина заметил на ефрейторе две сумки: санитарная висела на правом плече — так положено, а вот на левом ви села какая-то другая сумка. Что за новость? Старшина не мог стерпеть такого непорядка и сердито сказал:

— Товарищ ефрейтор, что это? Лишний груз. Снимите.

— Нельзя снимать, товарищ старшина, тут у меня инструменты и запасы: ножик, шило, дратва и ремни. А ну как что-нибудь в пути при-

ключится?

— Ну ладно. Давайте скорей.

Командира роты положили на тележку головой вперед и, покрыв одеялом, привязали к раме — как бы в пути не выпал. Везти придется без дорог.

Старшина Вилков выглянул из траншеи и, показывая рукой, сказал санитару:

— Держись во-он тех ориентиров… Смотри: кустик, снопы, канавка. Они бинтами обозначены. На полпути в воронке санитар сидит. В случае чего, поможет. Ну, давай.

Ткачук вылез из траншеи. В маскхалате ползти было трудно. Да и сумки мешали. А тут еще противогаз и автомат. Все это тянет, давит и мешает ползти быстрее. Отполз от окопа метров пятьдесят. Спокойно. Противник, видимо, не замечает его.

Ткачук обернулся и свистнул. Солдаты подняли на руках тележку с раненым и поставили ее около траншеи. Собаки выпрыгнули из траншеи и побежали к хозяину. В это время раздался сильный пулеметный треск. Это открыли стрельбу наши пулеметчики, чтобы на себя отвлечь внимание противника.

Когда упряжка собак достигла своего вожатого,

Ткачук, не поднимаясь с земли, взмахнул рукой и приглушенно крикнул:

— Вперед!

Собаки полной рысью промчались мимо хозяина. Ткачук вскочил и, пригибаясь, побежал вслед за упряжкой. Вероятно, немецкий наблюдатель заметил Ткачука и его упряжку. Вон справа упала мина и крякнула взрывом. Вслед за ней слева разорвалась вторая. «В вилку берут», — подумал Ткачук.

Ткачук заметил впереди серую кучу. На ней белеется обрывок бинта — ориентир. Там же рядом, кажется, ровик. Ткачук догнал упряжку и, упав в ровик, крикнул:

— Ложись!

Собаки легли и уткнули головы в землю. Все они, кроме Разливая, дрожали, а Бобик нервно, с визгом залаял.

— Тихо! — приказал Ткачук, и Бобик умолк.

Ткачук тяжело дышал. Сердце колотилось сильно, и его удары отдавались в висках.

Серая куча оказалась прошлогодними снопами. Ткачук пополз к ним, подав команду своей упряжке:

— Ползи… ползи…

Собаки поползли вслед за хозяином и медлен-

но потянули за собой тележку. Около снопов прижались к хозяину. Снопы побурели и пахли плесенью. «Не успели убрать...» — с горечью подумал Ткачук.

Раненый капитан глухо стонал, но в сознание не приходил. «Здесь мы хорошо скрылись, — думал Ткачук, — но долго нельзя задерживаться на месте. Противник пристреляет и эту точку...» Немецкий наблюдатель, видимо, потерял из виду человека с собачьей упряжкой. Снаряды стали рваться далеко впереди. Наша батарея открыла огонь, и немецкие позиции закурились дымом. Удобный момент. Теперь надо как можно быстрее добежать до лощинки. Там упряжка скроется от немецких наблюдателей.

Не поднимаясь с земли, Ткачук приказал:

— Встать! Вперед!

Первым вскочил Разливай и потянул за собой остальных собак. Когда упряжка отбежала от снопов метров на пятьдесят, впереди нее, совсем близко, разорвалась мина. Собаки бросились назад и сбились кучей у тележки. Барсик ткнулся носом в землю и упал на бок. Бобик завизжал и залаял.

Ткачук подбежал к упряжке и ножом перерезал шлейку на Барсике: пес был убит.

— Разливай, вперед! — крикнул Ткачук.

Три собаки потянули тележку под уклон к лощине. Бобик прихрамывал, но не отставал. Капитан Тихомиров бормотал в бреду: — Куда вы? Куда?.. Нельзя отступать!.. Вперед! Вперед!..

Из всего того, что говорил капитан, собаки понимали лишь одно слово «Вперед!» и ускоряли бег. Ткачук побежал вслед за упряжкой. Позади него недалеко разорвался снаряд, и будто топором подсекло правую ногу. Вожатый попытался бежать дальше, но правая нога подвернулась, и он упал. По ноге потекло что-то теплое, липкое.

Ткачук почувствовал страшную слабость и головокружение.

На миг он потерял из виду свою упряжку. Потом превозмог слабость, чуть приподнялся и посмотрел вперед. Его упряжка неслась к лощине. Но вот собаки оглядываются назад и замедляют бег — потеряли из виду хозяина. Опасный момент:

могут остановиться. Ткачук собрался с силами и громко, во весь голос, крикнул:

— Вперед, Разливай! Вперед!

Противник целил в упряжку: мины рвались впереди, сзади, по сторонам.

— Направо! Налево! Вперед! — кричал Ткачук.

По его команде упряжка бежала зигзагами, и противнику трудно было вести прицельный огонь. «Только бы тележку не завалили…» — мелькнула мысль у Ткачука. Он ничего не замечал вокруг себя, кроме своей упряжки.

Недалеко от него, в воронке от снаряда, сидел санитар.

Выглядывая из ворон ки, он громко звал:

— Браток! Браток! Ползи сюда! А то убьют…

Но Ткачук, кажется, не слышал его призыва.

Вон собаки спускаются в лощинку и скрываются из глаз.

На том месте, где только что была упряжка, взметнулся столб грязи — разорвался снаряд. Ткачук глухо простонал:

«О-ох!..» И потерял сознание. Он уже не чувствовал, как санитар подполз к нему, взвалил его к себе на спину и пополз с ним в убежище-воронку. Там он резиновым жгутом остановил кровотечение и перевязал рану.

Ткачук будто сквозь сон услышал слова:

— Ну что ты, браток?.. Очнись. Собачки твои молодцы.

Наверно, проскочили…

В этот же день в наш лазарет привезли раненых Разливая и Бобика. Мы удалили у них осколки, и я поехал в медсанбат проведать Ткачука. Ему уже сделали операцию, и он лежал на носилках в палатке, где находились и другие раненые, подготовленные для эвакуации в тыл. Ткачук был бледен, на лице у него обозначилась густая серая щетина. Он показался мне постаревшим и очень усталым. На лбу у него выступил капельками пот и слиплась седая прядка волос. Ранение было тяжелое, с открытым переломом бедра.

Я успокаивал его:

— Ничего, Иван Тимофеевич, выздоровеешь. И помощники будут живы — раны у них не тяжелые.

Ткачук дышал учащенно и говорил прерывисто:

— Я все перенесу… Эвакуируют меня… Я не хотел бы из своей дивизии… Разливая поберегите. Пригодится…

В палатку вошел хирург и сказал:

— Ткачук, вам нельзя много говорить. Берегите

силы.

— Я не буду, доктор… Капитан живой?

— Живой. Спасли. Тебя спрашивал. Поблагодарить хотел.

Ткачук слабо улыбнулся.

— В полевом госпитале повидаетесь, — сказал хирург, — он уже там…

Прощаясь со мной, Ткачук сказал:

— Грише Дёмину поклон передайте. Золотые руки. На моего Серёжу похож…

Вперед, Волчок!

Небо и земля казались однообразно-серыми, неприглядно-тоскливыми. Дождь моросил непрерывно. Вспаханный склон пологой высоты, черный и мокрый, глянцевито отсвечивал. На поле валялись кверху зубьями железные бороны и опрокинутая, покореженная сеялка, кое-где, вразброс, стояли подбитые черные танки с прямым крестом на башне.

Батальон капитана Неверова засел в окопах, вырытых наспех. При поспешном отходе не удалось как следует укрепиться. Оборона безымянной высоты была тяжелой. Немцы атаковали позиции по нескольку раз в день: они стремились прорваться к Ростову.

Капитан Неверов, высокий блондин, каждый раз, после того как захлебывалась вражеская атака, ругался: «Тьфу, черт побери! И откуда столько танков?!» Позади окопов — степная балка, заросшая кустами шиповника, терна и боярышника. Кусты боярышника заползли и на высоту, маскируя окопы и две маленькие противотанковые пушки. Их снаряды могли насквозь прошивать

броню немецких танков, но вчера в бою одну пушку подбили, и она уткнулась тонким стволом в землю.

Ночью пришли в батальон новые бойцы с собаками — истребителями танков. Капитан Неверов впервые видел таких собак и поэтому сомневался в их боеспособности.

— В ученье они, может, и хороши были, а здесь такой огонь.

— Думаю, что боевой экзамен выдержат, — не очень твердо ответил инструктор Иван Петухов.

— А собаководы в бою были?

— Нет. Только один был, Ваганов, но все прошли военную службу.

Капитан Неверов, провоевавший четыре месяца, с недоверием и даже с некоторым пренебрежением относился к необстрелянным новичкам.

— Пока вас самих пообстреляют, повозишься с вами…

— Будьте покойны, товарищ капитан, не подведем, — ответил Петухов.

— Ладно, там видно будет. Вот мяса им много надо…

— Пока сегодня не надо, товарищ капитан. Голодные, они лучше на танки пойдут.

— Посмотрим. Заработают — накормим.

— Но если, товарищ капитан, они в бою заработают, то кормить их уже не придется, — с горечью сказал Петухов.

Собаководов развели в роты, а Иван Петухов, Ваганов и еще несколько человек были отведены на самый ответственный участок обороны — в боевое охранение. В боевом охранении находился усиленный стрелковый взвод, которым командовал маленький, щуплый, с рыжим чубом лейтенант Смирнов. Стальную каску он никогда не надевал, и все его знали как человека отчаянной храбрости. При разговоре с друзьями он бравировал своей смелостью: «Меня все равно не убьют, я знаю, где упадет снаряд и где летит пуля…»

Собаководов лейтенант Смирнов принял радушно:

— Ну ладно, приземляйтесь пока. И чтоб не слышно их было, а то немцы услышат и могут догадаться, какой им «гостинец» приготовили. До рассвета отдыхайте, а там будьте готовы каждую минуту.

Собаководы рассредоточились в траншее и, покрывшись плащ-палатками, присели на влажную подстилку из веток боярышника. Собаки прижались к своим хозяевам. Рядом с человеком

и теплее, и не так страшно. А ночь темная, как чернозем, и такая тихая, будто все на свете умерло. Неприятно, жутко.

Вон немецкий прожектор скользнул лучом по земле, поблуждал из стороны в сторону, а потом скакнул вверх и, ткнувшись в мокрое одеяло сплошных туч, оборвался.

Туманно-серый рассвет приходил медленно, как будто опасался кого-то.

На гребне вспаханной безымянной высоты показалось что-то черное. Оно на глазах росло и стало танком. За ним левее еще вырос танк, а потом показались и правее: семь, восемь, девять, десять, одиннадцать танков! Петухов услышал их отдаленный гулкий шум, удивился: как медленно пол зут бронированные машины — словно стальные черепахи.

Сначала видны были только танки, а потом позади них показались маленькие черные фигурки людей.

Лейтенант Смирнов звонким голосом подал команду:

— Та-анки! Приготовиться!

И, будто по команде лейтенанта, где-то в тылу разом ухнули артиллерийские батареи, и вскоре все увидели, как впереди вражеских танков, пол-

зущих на окопы, полыхнули взрывы и густой дым расплылся в стороны, закрыв железную лавину.

— Заградительный огонь, — проговорил сапер Ваганов.

Артиллерийские залпы следовали один за другим, и казалось, что сквозь этот сплошной огонь не пробьются танки. Но вот из дымовой завесы вынырнули черные стальные машины — их было уже меньше, кажется семь, и они разреженной цепью шли на окопы быстрее.

Артиллерия вдруг умолкла.

— Почему прекратили стрельбу? — нервно спросил Петухов Ваганова, сидевшего рядом с ним.

— Нельзя. Нас могут зацепить…

— А почему мы молчим?

— Далековато. Зачем напрасно патроны жечь.

Собаки повизгивали и натягивали поводки.

И вдруг это напряженное, накаленное ожидание прервалось звонкой командой лейтенанта Смирнова:

— Собаководы, стоять насмерть! По наступающей пехоте прицельным огнем, взвод, пли!

Винтовочный залп оглушил. Защекотало в ушах. Собаки вздрогнули и прижались к своим хозяевам.

Выйдя с пахоты на твердый грунт, танки ускорили ход и открыли стрельбу. Из жерл пушек вырывались пучки огня. Автоматчики, пригибаясь, бежали вслед за танками и вели огонь. Вот они стали как будто спотыкаться и падать.

В это время прямой наводкой открыла огонь противотанковая пушка. Пригнувшись, орудийный расчет красноармейцев работал быстро и ловко; приземистая пушка часто дергалась, будто пыталась скакнуть вперед, на врага, посылая в танки снаряд за снарядом. Вот головной танк вдруг закружился на месте на одной гусенице, продолжая извергать огонь в разные стороны. Но и противотанковая пушка от прямого попадания снаряда подпрыгнула и, упав набок, замерла.

Снаряды рвались то впереди окопов, то позади. Над окопами свистели и шуршали осколки. Иногда они боронили бруствер окопа, и наши бойцы — раненые или убитые — откидывались назад либо грузно, медленно сползали вниз, судо рожно загребая руками мокрую землю.

Танки на ходу перестраивались и шли на окопы двумя эшелонами. Головной танк был уже метрах в двухстах. Надо подпустить их еще ближе, чтобы собаки попали в мертвое пространство. Тогда они наверняка достигнут своей цели. Огонь по

пехоте противника усиливался — ее надо было отсечь от танков. Автоматчики, укрываясь от огня, прятались за броню машин. Гул моторов и лязг гусениц все нарастали, и становилось жутко от этого грозного грохота стальных чудовищ.

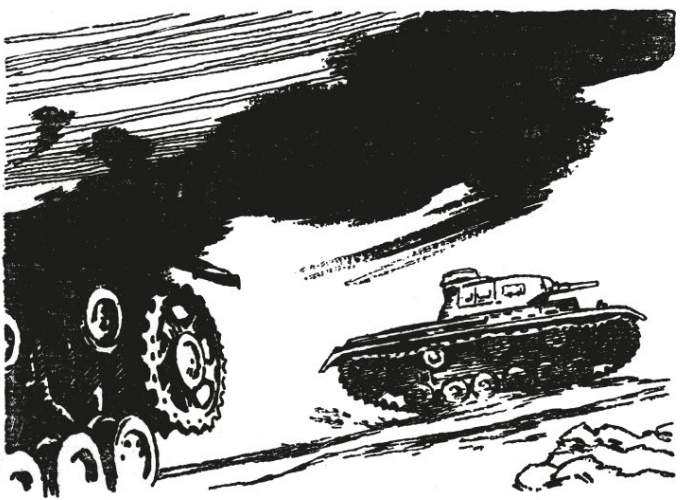
— Вперед, Волчок! — крикнул Ваганов. — Взять!

И выпустил из окопа большую серую собаку. Тело собаки плотно обхватывал брезентовый вьюк с боевым зарядом-миной, а на спине у нее торчал кинжалом штырь взрывателя. Наклонив лобастую голову, Волчок быстро побежал к ближайшему танку. Вот он юркнул под него, и вслед за тем раздался сильный взрыв. Танк вздрогнул и остановился, как будто наткнулся на гранит, и задымил. Подбитую машину левее и правее обходили два танка, приближаясь к окопам.

— Шарик, вперед! Взять! Трезор, вперед, взять! Взять! — одновременно крикнули два собаковода и выпустили своих собак.

Две собаки — белая гладкошерстая и лохматая черная — выскочили из окопа и устремились ко вражеским танкам. Большой черный Трезор вдруг ткнулся носом в землю и, упав на бок, задрыгал ногами, а белый Шарик закатился под танк, и сразу раздался взрыв. Из подорванного

танка, открыв люк, вынырнул высокий танкист в нижней рубашке и прыгнул назад. Но в тот момент, когда он прыгал, его настигла пуля, и фашист распластался на земле около своей горящей машины. Третий танк первого эшелона шел на окопы, а вслед за ним двигалось еще три танка, ведя на ходу огонь.

— Вперед, Полкан! Взять! — крикнул Петухов, спуская с поводка крупного пса с обвислыми, как лопухи, ушами.

Полкан высунулся из окопа и, увидев железное чудовище, изрыгающее огонь, задрожал и сполз обратно в окоп. Петухов ударил его ремнем. Пес заскулил и прижался к ногам хозяина. Петухов схватил гранату и, громко крикнув «Полкан! Взять!», полез навстречу приближающемуся танку. Надо приподняться, размахнуться как следует и бросить гранату под гусеницу, но огонь автоматчиков прижимает к земле. Чуть приподнялся, бросил. Взрыв. Эх, недолет! Поторопился. Надо было подождать. А танк приближается.

— Полкан, взять! — крикнул Петухов.

Пес выпрыгнул из окопа, обогнал прижавшегося к земле Петухова и, бросившись под танк, оглушительным взрывом распорол ему стальное брюхо.

Петухов почувствовал, будто кто-то сильно ударил его по голове, — и все померкло. Он уже

не видел и не слышал, как собаководы крикнули «Вперед! Взять!» и выпустили еще четырех собак. Он не видел, как четыре вражеских танка вдруг повернули обратно и на полной скорости стали удирать, а наша пехота расстреливала заметавшихся по полю вражеских автоматчиков. Осмелевшие собаки с лаем преследовали уходящие танки, а бойцы, забыв о предосторожности, высунулись из окопов и кричали весело:

— Глядите! Танки драпают от собак!

…Придя в себя, Петухов не сразу понял, где он находится. Покрытый шинелью, он лежал на соломе в блиндаже.

На маленьком столике горела коптилка, сделанная из медной гильзы противотанкового снаряда. Над Петуховым наклонилась молоденькая медсестра. Увидев, что он открыл глаза, сестра радостно воскликнула:

— Очнулся! Товарищ капитан, очнулся!

Над Петуховым наклонились капитан Неверов и кто-то щуплый с забинтованной головой. Это был лейтенант Смирнов, но Петухов его не узнал.

— Ну как, главный собаковод, жить будем? — бодро сказал Неверов.

Иван Данилович чуть-чуть улыбнулся, хотел

что-то сказать, пошевелил губами, языком, но слов не получилось. Он забыл названия всех предметов и ничего вокруг не слышал.

Мертвая тишина. Странно и страшно. А вдруг всегда так будет… И силы его иссякли — не может пошевелить ни ногой, ни рукой, как будто кто-то высосал всю кровь. Глаза у него увлажнились, защемило сердце. С большим усилием он простонал что-то невнятное.

— Валя, что он говорит? — спросил капитан.

— Ему холодно, он пить хочет, — пояснила сестра, догадавшись, что хотел сказать тяжело контуженный Петухов.

Придерживая на руке взлохмаченную голову Петухова, сестра напоила его крепким горячим чаем. Затем бережно опустила его голову на сложенную подушечкой плащ-палатку и покрыла его еще одной шинелью.

Петухов глубоко заснул и уже не слышал, как капитан Неверов сказал:

— Погорячился. Вылез из окопа. Смелый, крепкий…

— Да, молодцы собаководы, — сказал лейтенант Смирнов. — Не будь нынче собачек, туго бы нам пришлось…

Лебёдка

Все началось с того, что у молодого бойца Сидоренкова произошло одно за другим два несчастья. После тяжелого ранения его не вернули в стрелковую роту к боевым товарищам, о которых он тосковал, находясь в госпитале, и направили в транспортную роту на конной тяге. Вырос он в городе, никогда с животными дела не имел, был отличным стрелком, а тут — на ☙ тебе, попал в обозники. Тащись теперь в хво сте боевой части, вози разные грузы, собирай трофеи. А рядом с тобой пожилые обозники — крестьяне, с которыми и поговорить-то не о чем, ведь они пороху не нюхали, как он…

И, как нарочно, дали молодому обознику несуразную пару лошадей: низкорослую монгольскую кобыленку серой масти и огромную, как рыдван, трофейную рыжуху, недавно отбитую у противника. У крупной кобылы действительно был неуклюжий склад: седлистая спина, тонкая шея и большущая голова с отвислыми ушами, которая почему-то показалась Сидоренкову похожей на ящик из-под махорки. А ноги у нее были крепкие,

как у буйвола, и лохматые, будто в брюках клеш. Совсем не под пару аккуратненькой «монголочке». К тому же эта «образина», как ее окрестил Сидоренков, была «чужая». Все вражеское он не принимал душой, и даже цвет немецких солдатских шинелей казался ему лягушачьим, противным.

Запрягая рыжуху в первый раз, Сидоренков замахнулся на нее кулаком и сердито крикнул:

— Ну ты, верблюд фашистский! Поворачивайся живее!..

Испугавшись, лошадь высоко задрала голову и замотала ею так, что трудно было надеть хомут. Пришлось Сидоренкову залезать на повозку. А товарищи посмеялись над ним:

— Да ты, Сидоренков, на дерево залезь аль на крышу!..

С усилием напяливая на массивную голову рыжухи хомут, Сидоренков сердито ворчал:

— Стой, не крутись, дьявол... Не понимаешь, жирафа, русского языка... И всю роту демаскируешь... Заметит тебя «рама» и, глядишь, «юнкерсов» призовет на нашу голову...

Обозная служба явно тяготила Сидоренкова, и свое недовольство он вымещал на ни в чем не повинной лошади.

Старые обозники раздражали его своей медлительностью, неповоротливостью. Он не мог забыть своих молодых друзей по стрелковой роте, но в этом никому не признавался. Ему было стыдно перед народом и солдатами боевых подразделений, что он такой молодой и… в обозе. Чтобы быть под стать обозникам, Сидоренков отрастил усы и ходить стал неторопливо, вразвалку, а при разговоре покашливал и даже басил. Но все это ему не помогало: обозники считали, что он попал не в свои сани, а рыжуха — не в те руки…

Испытывая на себе непонятную грубость человека, покорная на вид лошадь стала проявлять злой норов: то остановится вдруг ни с того ни с сего на полном ходу, а то вдруг так рванет, что постромки летят.

— Ну погоди, противная тварь, — сквозь зубы ругался Сидоренков, — я из тебя фашистский дух вышибу!..

И перестал снимать хомут на отдыхе, а чуть какая заминка — кнутом стегнет. Товарищи видят, что дело далеко зашло, журить стали:

— Что ты измываешься над бессловесной животной?

Она нам службу несет, а ты ее бьешь и холку

паришь хомутом. Смотри, за это тебя командир роты по головке не по — гладит… — Нечего меня учить и стращать! Я уж ученый и пуганый…

А тут стали примечать, что, когда Сидоренков не бьет кобылу, не дергает понапрасну, она тянет хорошо.

…Летом сорок третьего года лило много дождей, и проселочные дороги Курской области так размесило, что совсем трудно стало проезжать с грузом. И вот застрянет какая-нибудь повозка с грузом — хоть трактором тяни. Подпрягут Сидоренкову кобылу, она опустит голову до самой земли, упрется своими буйволиными ногами и вытянет.

Только кнут ей в это время не показывай — заартачится. А так вот, с добрым словом, вроде как «ну-ну, милая, пошла», старается, будто понимает, что надо. Вот ведь и скотина с добрым словом лучше работает.

— Видишь, какая у тебя золотая коняга, — говорили Сидоренкову его товарищи, — не надо и тягача.

— Она себе на уме, — не сдавался Сидоренков. — Как захочет — гору своротит, а не захочет — хоть убей.

— А ты с ней поласковее.

— Что она мне, невеста, что ли, чтоб с ней поласковее?

Упрямый был мужик. Если невзлюбит — конец.

Но вот однажды его упрямство было сломлено с большим конфузом для него.

Когда наш полк занял город Климов, транспортная рота остановилась на ночевку в деревне Чернушки.

Едет Сидоренков по улице поселка и замечает, что «немка» тянет его к одному двору с покосившимися воротами. Взглянул — изба вроде ничего и двор хороший. И не стал перечить своенравной кобыле. «Видно, клеверок чует, — подумал он, — хитрая скотина...»

Подъезжает к воротам и бодро кричит:

— Эй, хозяйка! Открывай ворота, принимай дорогих гостей!

А кобыла вдруг так громко и радостно заржала, будто пришла в родное место.

Во дворе кто-то уже стучал деревянным засовом, и ворота распахнулись. В воротах Сидоренков увидел рыжеволосого босоногого мальчишку лет десяти, который почему-то уставился на рыжуху и удивленно замер. Потом вдруг бесёнком подпрыгнул и пронзительно закричал:

— Ма-ма-а!.. Лебёдка наша пришла!

Подбегает к лошади, а она доверчиво наклоняет к нему свою неуклюжую голову и тихо ржет. Обхватил ее мальчик за морду, прильнул щекой и целует в бархатные вздрагивающие ноздри.

— Лебёдушка моя миленькая! Пришла, родненькая…

Сидоренков ничего не понимал и рассердился:

— Уйди, пацан, с дороги, а то задавлю. Какая тебе Лебёдушка? Это «немка».

И дернул вожжами.

Мальчишка как на крыльях помчался в избу и тут же выскочил обратно, радостно крича на ходу:

— Да вот она, вот наша Лебёдка!

Вслед за ним вышла пожилая женщина с бледным усталым лицом.

— Здравствуйте, родные наши соколики! — приветливо и взволнованно заговорила она, подходя к повозке и на ходу вытирая мокрые руки о передник. — Заждались мы вас…

Спасибо вам… И нас от извергов освободили, и лошадку-кормилицу нам привели. Эти ироды весной у нас ее со двора забрали… Ее нам свои солдаты еще в сорок первом оставили. Раненая она была и тощая, а мы ее выходили…

Вытерев посуше руку, женщина протянула ее Сидоренкову. Солдат онемел. Молча, как-то растерянно пожал ее руку и спрыгнул с повозки.

— А я тут с уборкой связалась, — продолжала женщина. — За два года неволи и убирать не хотелось в доме, а теперь вот, думаю, свои идут — прибрать надо. Передовые-то части утром стороной прошли, а вы заехали… Спасибо вам…

И, подойдя к серой нескладной кобыле, стала поглаживать ее по шее и ласково приговаривать:

— Красавица ты наша, Лебёдушка… Видно, несладко тебе было в неволе-то — ишь как похудела… Не пришлось гитлеровским супостатам поиздеваться над тобой… Выручили… — Затем, обернувшись к Сидоренкову, приветливо пригласила в дом: — Распрягайте скорее да заходите в избу. У меня уже и чай готов… А лошадкам-то вон клеверку в сарае возьмите — от коровы осталось. Последней кормилицы вчера лишились: фашисты на лугу перестреляли всех коров, как отступали…

Сидоренков, понурив голову, неторопливо распрягал лошадей. Ему было стыдно смотреть мальчонке в глаза. А тот вьюном вертелся около и засыпал его градом вопросов:

— Дяденька боец, а где вы ее отбили у фрицев? А вы ее оставите нам? А вы долго пробудете у нас?

— Да отвяжись ты, постреленок! Вот управлюсь с конями, тогда и расскажу…

Пират, ищи!
(Рассказ вожатого-сапера)

Приехал я на фронт со своим Пиратом в самое горячее время: наши наступали и гнали врага в его логово. Отходя, противник, где только мог и где успевал, все минировал.

Мой Пират был хорошо подготовлен для минорозыскной службы. Пес был породистый: доберман-пинчер, окрас у него черно-бархатистый с рыжими подпалинками, сам тонкий, мускулистый.

Наш батальон с боем продвинулся вперед на несколько километров и, отбросив противника, занял два хутора.

Это было в Латвии. Оборона у немцев была крепкая: окопы в рост, ходы сообщения, пулеметные гнезда — все как полагается. А для штаба — блиндаж.

Вызывает меня командир батальона капитан Соков и дает такое приказание:

— Проверьте со своим Пиратом блиндаж на хуторе Браунмунша. Мне он нужен для штаба.

— Есть, — отвечаю, — проверить блиндаж!

Уже вечереть стало, а противник все бьет и бьет по нашим позициям. Пришлось мне с Пиратом добираться до хутора где перебежками, где ползком. Вижу, боится Пират, нервничает — на поводке крутится и то вперед рванет так, что я его чуть удерживаю, а то ко мне прижмется, дрожит и тихо поскуливает: новичок на фронте, не обстрелян. Что с него спросишь?

Добрались мы до траншеи и там уже спокойнее пошли к блиндажу. Я пригибаю голову, а Пират идет по траншее свободно, не видать его. Подошли к блиндажу. Смотрю — сделан на славу: крыша в четыре наката, бревна толстенные, сверху земли на метр и еще дерном покрыта для маскировки.

А траншея в блиндаж зигзагом сделана и тоже покрыта.

«Ишь, — думаю, — здорово от огня хоронились...» Отпустил я поводок подлиннее и приказал:

— Пират, ищи, ищи!

Пес наклонил голову и стал обнюхивать пол и стены траншеи. Шаг за шагом приближаемся ко входу в блиндаж.

Наблюдаю за Пиратом внимательно. Движения у него резкие, энергичные, но нигде не задержи-

вается, вперед тянет.

Подошли ко входу в блиндаж. Двери открыты — двойные и толстые.

Вдруг Пират заволновался, дернул поводок и уткнулся в косяк. Влажный нос так и заходил у него. Понюхал и сел.

Потом приподнялся на задних лапах и повел носом по косяку вверх. Принюхивается, смотрит на меня и нервно повизгивает, будто сказать что-то хочет и страдает, что не может.

Сунул я легонько щупом то в одну, то в другую щель — ничего не прощупывается. Шагнул потихоньку в блиндаж и осветил вход карманным фонариком. Смотрю — столики, топчаны, на полу сигареты раздавленные валяются, пустые консервные банки, клочки бумаги. Все стены тесом обшиты. Пират меня в левый угол потянул. Подошел к углу, обнюхивает доски и опять вверх тянется, поближе к двери, где основной опорный столб стоит. Что делать? Надо доски отрывать.

Снимаю топорик и саперную лопату (они на поясе у меня висели), а сам думаю: «Может, мина с заводным механизмом и вот ее время как раз сейчас и выйдет… Или натяжного действия: задену проволочку — и могила». Холодно, жутко. Ведь сапер ошибается только один раз…

Но надо же действовать. Время не ждет. Зацепил я топором верхнюю доску и потихоньку отодрал. Песок посыпался. Пират вверх потянулся и с визгом стал разгребать землю передними лапами.

Я оттолкнул его и крикнул строго:

— Фу, Пират, фу!..

«Заденет, — думаю, — за проволочку и взорвет мину».

Осторожненько разгребаю землю. И не лопатой, а руками. Разгребаю и тихонько пальцами прощупываю — не попадется ли чего… Нет, не попадается. Еще отодрал одну доску и опять разгребаю землю. Стоп! Пальцами проволочку нащупал. «Ага, — думаю, — вот она где, жизнь-то, на волоске держится… Надо обойтись с этим волоском поаккуратнее, а не то…» И опять мне как-то не по себе стало: зябко и тошно. Ведь один на один стоишь перед страшной силой и еще неизвестно, кто кого. Лишь бы руки не дрогнули… Перекусил проволоку кусачками и стал раскапывать дальше, по ходу того конца, который к двери шел.

Добрался до опорного столба и легонько ткнул щупом в землю. Что-то твердое. Отрыл лопатой — ящик деревянный. Обкопал и вынул. Не очень большой, но тяжелый. Начинка в нем грузная. А мой Пират как увидел, что я достал мину, сел рядом с ней и успокоился.

И я облегченно вздохнул, будто тяжелый камень с плеч сбросил. Но тут же и одумался: «Да что же это я?.. А может, тут еще мина есть?.. А куда же идет другой, свободный конец проволоки?..»

Оказалось, он выведен через угол блиндажа наружу. Только что я стал раскапывать проволоку, как увидел начальника штаба батальона капитана Сокова. Он шел по траншее к блиндажу в сопровождении двух автоматчиков.

— Ну как, товарищ Лёнькин? — спросил он.

— Хорошо, — говорю, — блиндаж разминирован, и можно в нем располагаться.

— Надо тщательно проверить. Обшарьте весь хутор со своей ищейкой.

Придал он мне двух автоматчиков, и мы пошли.

Прежде всего откопали проволоку. Конец ее шел в сарай. Когда мы дошли до сарая, Пират вздрогнул и, уткнувшись носом в землю, заскулил. Видно, что-то учуял. Перелезли мы через

высокий забор, а Пирату я крикнул: «Забор!» Он прыг на забор — и на той стороне. Смотрим — около двери сарая стоят плуги, бороны. Зачем завалили дверь?

Оттащили в сторону инвентарь. Открыли широкую дверь. Осветили фонариком. Хлеб немолоченый лежит снопами. Так и всколыхнуло меня воспоминанием… «Эх, — думаю, — домой бы теперь… Засучил бы рукава — да в поле». А Пират зарычал и бросился к снопам. Разрывает лапами и носом тычет.

— Эй, кто там? Выходи! — крикнул я.

Никто не отвечает. Автоматы, конечно, на взводе держим.

Рассредоточились и стали раскапывать. Нельзя кучей лезть. Если уж пальнет, то не всех сразу заденет. Разрыли, обнаружилась дверка в погреб, и в уголке проволока туда тянется. А Пират ткнулся носом в дверку и завизжал от волнения. Зацепил я дверку саперной лопатой и… р-раз ее! Открыл! Фонариком сразу в погреб. И два автомата туда же направили. Мой Пират чуть в погреб не прыгнул, но я его придержал и крикнул: — Кто там? Смотрим — в погребе сидит мужчина в сером пиджаке и лицо руками закрыл: то ли от испуга, то ли светом мы его ослепили. Он показался мне

немцем, и я крикнул:

— Хенде хох![6]

Мужчина встал, здоровенный такой, лет тридцати. Поднял руки и забормотал по-русски: — Я рабочий… Не трогайте… Я не хочу с фашистами… Хочу в Красную армию… Вылез из погреба и на автоматы волком косится. Обыскали его — оружия нет. Повели в штаб. По-русски стали допрашивать. Либо молчит, либо отговаривается — «кривиски не сапрот» («по-русски не понимаю»). Вызвали в штаб солдата-латыша Матиса. Приперли пленного к стенке, ему и деваться некуда. Забегал глазами — испугался и спрашивает по-русски: — Вы не расстреляете меня? Сознался во всем. Немцы оставили его на хуторе с заданием взорвать блиндаж, когда мы займем его.

За этот случай комбат мне благодарность объявил, а я своего Пирата сахаром угостил.

— Ну, мой дорогой Пиратушка, молодец ты у меня. Боевой экзамен выдержал на «отлично».

---

[6] Примечания: 6
Руки вверх! *(нем.)*

Норка

В госпитале

Познакомился я с ним в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны.

Дежурная медицинская сестра проводила меня в массажную комнату. Около кушетки стоял массажист в белом халате, с засученными по локоть рукавами. Это был мужчина лет тридцати пяти, с прической на косой пробор, в темно-синих очках. Я поздоровался, массажист поклонился и, застенчиво улыбнувшись, тихо сказал:

— Пожалуйста, разденьтесь до пояса и лягте на кушетку.

Только тут я заметил: массажист слепой!

Все его бледное лицо было изрыто мелкими шрамиками, как будто подкрашенными зеленоватой краской.

Я разделся до пояса и лег на кушетку. Руки у массажиста были тонкие, мускулистые. Пальцы длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. Он припудрил спину тальком и стал массировать. Начал он с легкого поглаживания, а потом с нажимом глубоко прощупывал тело, будто что-то

искал в мышцах. А то вдруг так рассыпал ся по коже пальцами, словно перебирал клавиши рояля. Иногда мягко пристукивал кулаком и затем до теплоты растирал кожу ладонями.

Сначала от массажа боль усилилась, но потом постепенно стала утихать. Кожа на спине приятно горела. Минут через пятнадцать, легонько скользнув ладонью по больному месту, массажист сказал с улыбкой:

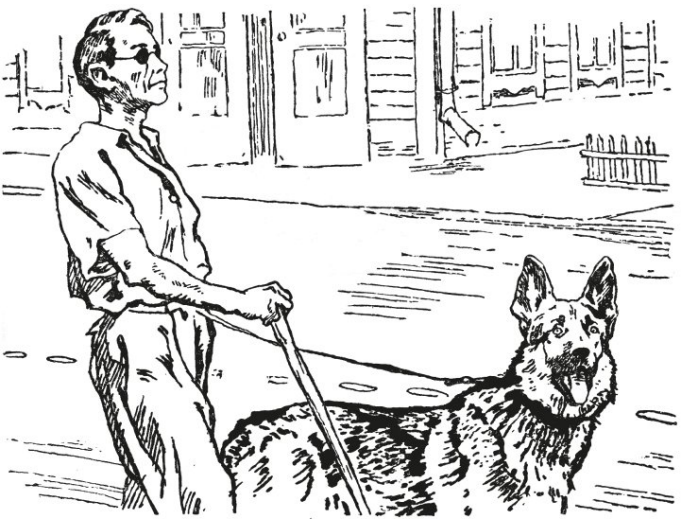
— Ну вот, на сегодня, пожалуй, довольно. Как вы себя чувствуете?

Я встал с кушетки и быстро выпрямился, чего до массажа сделать сразу не мог бы.

— Прекрасно! — бодро ответил я.

...Когда наш массажист, Николай Ильич Малинин, закончив работу, вышел из госпиталя, мы столпились у открытого окна. Было уже послеобеденное время. Шел Николай Ильич неторопливо, спокойно, постукивая по тротуару тростью. Впереди него, чуть левее, шла на поводке крупная собака. Поводок от нее был пристегнут к поясу слепого. Всем своим видом — серым окрасом, длинным туловищем с толстой шеей и стелющейся походкой — собака напоминала волка. При встрече с прохожими она не сворачивала — видно, привыкла к тому, что ее хозяину усту-

пали дорогу. Прямо на Николая Ильича шел, о чем-то задумавшись, высокий мужчина в белой шляпе. Казалось, они вот-вот столкнутся. Собака остановилась и, оскалив зубы, зарычала. Рассеянный мужчина очнулся, торопливо снял шляпу и, низко поклонившись, что-то пробормотал.

Мы рассмеялись, и кто-то из нас проговорил:

— Наверно, с улицы Бассейной…

На углу, где надо было перейти улицу, собака остановилась и села: шел трамвай и две машины. Они прошли, и шум их стал затихать. Собака встала и, насторожив уши, как бы прислушиваясь, натянула поводок: путь свободен. Собака повела хозяина через улицу. Она не смотрела по сторонам и, наверно, только по слуху определяла, что путь безопасен.

Перешли улицу и столкнулись с новым препятствием: там белили дом, и тротуар был перегорожен двумя балками. Собака остановилась перед балкой и потянула хозяина левее, в обход по мостовой.

С деревянного помоста спрыгнул молодой штукатур в парусиновом переднике, закрапленном известковыми брызгами, и подошел к Николаю Ильичу. Он что-то сказал слепому — наверно, предложил провести. Но Малинин отрицательно качнул головой и, осторожно шагнув вперед, прощупал препятствие палкой. Да, собака не ошиблась.

Мы долго наблюдали из окна, как работает умная собака-поводырь, пока Малинин не скрылся за поворотом. Мой сосед по койке, Иван Рубцов,

безногий артиллерист, восторженно сказал:

— И чего только человек не придумает, а?!

Способный щенок

Щенку было всего два месяца, когда Боря Цветков принес его из клуба служебного собаководства. Длинный и костлявый, щенок казался неуклюжим и некрасивым. К тому же он часто беспричинно лаял, стаскивал со стола скатерть и не слушался окриков.

— Вот дурашливый какой! — говорила Борина мать, Надежда Васильевна. — Пока сделаешь из него толкового пса, намучаешься.

У Бори был уже опыт по воспитанию щенков. Уезжая на фронт, отец оставил ему боксера.

— Смотри, Боря, — говорил отец, — если понадобится, отдай Гепарда в армию. Пригодится в караульной службе…

В конце войны получили печальное известие о гибели отца. Тогда Борис отвел сильного, злого пса в райвоенкомат и сказал:

— Пусть он там задушит хоть одного фашиста!..

А вместо Гепарда принес из клуба на воспитание щенка, по кличке Норка.

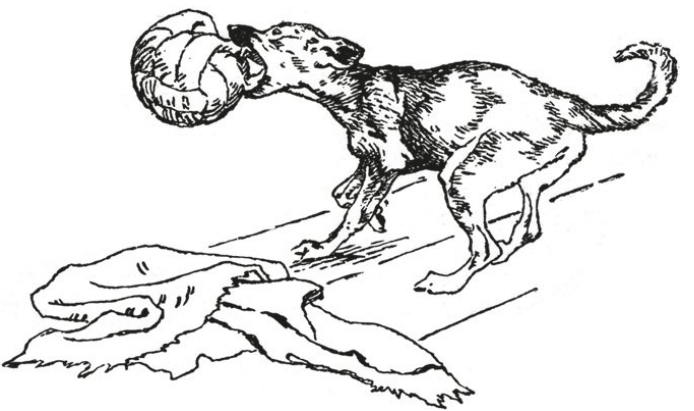
Пятнадцатилетняя сестра Таня подсмеивалась

над братом:

— И где ты только нашел такого дохленького, дураковатого?

— Ты маленькой тоже, наверно, была не очень умной, — сердито сказал Борис. — Ты еще не знаешь, какая у него родословная: его мать первый приз получила на выставке.

Подожди, вот он вырастет — покажет себя!

— Свежо предание, да верится с трудом... — на-

распев протянула Таня.

Борис злился: Танька воображает себя уже взрослой, а его считает мальчишкой. Конечно, ему не пятнадцать, а только двенадцать лет, но что ж из этого? Она считает, что он должен ее слушаться во всем. Как бы не так! Будет он слушаться девчонку! И волейбольный мяч присвоила, а ведь мама купила для двоих.

И когда Таня уходила из дому, Борис отдавал щенку мяч. Норка катала его по комнатам, мяч убегал от нее, как живой, подпрыгивал, а иногда даже прятался под кровать, закатываясь в темный угол. Щенок заливался звонким лаем и однажды так сильно вонзил острые зубы в мяч, что тот вдруг устрашающе зашипел и обмяк. Щенок в испуге отпрыгнул от мяча, потом осторожно подошел и чуть шевельнул его лапой, схватил зубами, потрепал и вскоре бросил, потеряв к нему всякий интерес.

Вернувшись домой, Таня увидела своего брата, сидящего за починкой мяча.

— Мама, до каких же это пор его паршивый кутёнок будет портить мои вещи?! — возмутилась она. — Вчера разорвал платок, сегодня — мяч.

— А ты разве не знаешь, что щенку надо играть? Его надо развивать, — примиряюще сказал

Борис.

— Купи себе мяч и развивай своего собачонка, а чужой нечего хватать! У нас сегодня тренировка, а ты мне ее сорвал!

— Дети, не ссорьтесь!.. — успокаивала их мать. — Таня, Боря починит твой мяч, а для Норки я сошью новый.

— Мама, ты вечно Борьке потакаешь во всем!

Таня порывисто повернулась и ушла к себе в комнату.

Надежда Васильевна сшила большой мяч из тряпок, и щенок катал его, рвал и кусал. А на дворе Борис воткнул в землю тонкую хворостинку и привязал к ее концу мочало.

Норка хватала зубами мочало, тянула, потом отпускала его.

Гибкая хворостина пружинисто качалась, мочальный хвост, трепыхаясь, дразнил разгоряченного щенка.

Ежедневно три раза Борис кормил своего воспитанника густым супом, давал ему молоко, протертую морковь и даже купил в аптеке бутылочку жидких витаминов.

— Ты ему и свой компот отдай! — усмехнулась Таня.

— Ну и отдам, а тебе что? Он же маленький.

Но крупная размолвка между братом и сестрой произошла потом, когда щенок подрос и окреп. Щенок был подвижным, задиристым, но не злобным. А Борису хотелось, чтобы он был злобным и страшным. Борис хорошо помнил, каким был их Гепард, и ему хотелось из Норки воспитать такого же грозного пса.

Однажды к Тане пришла подруга Аня Колесова. Щенок незлобно залаял на нее, а Борис натравил:

— Возьми, возьми, Норка!

Норка громко залаяла и бросилась на девушку. Аня испуганно взвизгнула и, открыв дверь, выскочила в коридор. Из своей комнаты выбежала Таня, и лицо ее стало пунцовым:

— Борис, ты дошел прямо до наглости! Натравливаешь на моих подруг собаку! Так ко мне никто ходит не будет.

— Ты ничего не понимаешь, — спокойно сказал Борис. — Это же воспитание. Норка должна недоверчиво относиться к чужим.

— Ну и трави своих товарищей, а моих подруг не трогай! Я маме скажу…

— Ну и говори! Мама меня лучше понимает, чем ты.

А еще в восьмом классе учишься…

Таня вышла в коридор и увидела подругу, прижавшуюся к стене.

— Аня, иди.

— Нет, надо выждать немного.

— Чего выждать?

— Да чтобы Норка считала, что она «победила» меня. Мы ведь так с Борисом заранее договорились.

— Спектакль, значит, устроили. И меня не предупредили… А чего же кричала как резаная?

— Да ведь знаешь, как страшно-то мне показалось…

Наступила весна, и пришлось Норку выселить на жительство во двор, в деревянный сарай. В сарае Борис смастерил ей будку, а на пол постелил старый детский матрасик, на котором когда-то спал сам. Он ежедневно чистил щенка щеткой, а как потеплело — стал его купать. Щенок охотно плескался, а плавать не хотел — боялся. Но ведь всякая служебная собака должна хорошо плавать. Борис брал потяжелевшего щенка на руки, заносил его поглубже и, бросив в воду, плыл сам впереди. Норка испуганно вытаращивала глаза и быстро плыла обратно к берегу. Потом она привыкла и охотно бро салась в воду сама за хозяином и даже переплывала с ним на другой берег.

Ежедневно по вечерам Борис гулял с Норкой по городу. Сначала щенок боялся машин и шарахался от них под ноги хозяину. Тогда Борис подвел Норку к машине знакомого шофера и вместе с ней облазил всю машину, а потом они проехались на ней по городу, и щенок перестал бояться машин.

Иногда Борис садился на велосипед, выезжал за город и так быстро несся по асфальтированному шоссе, что в ушах ветер свистел. Норка, высунув язык, еле успевала за ним.

Один раз какой-то старик даже остановил Борю:

— Эй, малый, чего ты кутёнка-то гоняешь?! Запалить можешь.

— Это я его к бегу развиваю.

— Оно, конечно, собака должна бегать, да ведь во всяком деле мера нужна…

— А я все делаю, как в книжке написано, и у инструктора в клубе бываю.

— Ну, если по книжке, то правильно, — успокоился старик.

Но вот Норке исполнилось десять месяцев, и костлявый озорной щенок превратился в рослую собаку, похожую на волка. Даже Таня как-то сказала:

— Мама, а какая наша Норка красивая стала,

правда?

Мать улыбнулась:

— Правда, дочка, правда. К чему приложишь руки с любовью, из того и толк выходит.

Кончилось наконец для Норки домашнее воспитание, и надо было приниматься за настоящую учебу. Повел Борис Норку в клуб, и там ему выдали «родословную», в которой были указаны не только отец и мать Норки, но дедушка с бабушкой и даже прабабушка. Получив «паспорт», Норка стала вполне взрослой, и теперь ее уже можно было по-настоящему дрессировать.

Всю зиму три раза в неделю ходил с ней Борис в клуб и занимался на учебной площадке под руководством опытного инструктора Вадима Ивановича Третьякова.

Норка оказалась очень способной и быстро усвоила общий курс.

В первомайские праздники, когда к Надежде Васильевне пришли в гости ее сослуживцы, Борис показал успехи своей воспитанницы. По его команде Норка садилась, ложилась, прыгала через палку, ползала, а когда он говорил: «Голос!» — звонко, отрывисто лаяла.

Борис торжествовал. И даже Таня не скрыла на этот раз своего восхищения.

— Знаете, девочки, это ее Борис сам воспитал, — сказала она подругам. — Борис у нас ужасно упрямый — он чего хотите добьется. Зимой на лыжах она его возила буксиром так быстро, что от машины не отставали. Я говорю правду, девочки, спросите у Бориса…

— Говори — не заикайся, ври — не завирайся! — отрезал Борис.

— Бо-о-ря, — умоляюще протянула Таня, — ты же сам рассказывал, что от машины с ней не отставал…

— Чудачка ты! Да мы с Норкой в кузове сидели.

Все засмеялись, а Таня чуть не заплакала от стыда и досады.

Однажды Борис пришел из клуба радостно-взволнованный.

— Мама, — сказал он, — к нам в клуб приехал инструктор из Москвы, из спецшколы, и подбирает собак на дрессировку в поводыри.

— В какие поводыри? — не поняла мать.

— Поводыри слепых.

— Ты серьезно?

— Честное слово! Он подобрал у нас пять собак. И мою Норку тоже. Он, мама, проверил у нее и слух, и зрение, и память, и внимание и сказал,

что она очень способная для этого дела.

— Ну а как же ты? Тебе разве не жаль ее отдавать?

— Жалко, конечно, но надо же. Ведь слепые-то — инвалиды войны. Он сказал, что это новое дело… Вот бы интересно, мама, посмотреть, как дрессировать ее будут?

— Да, интересно, — согласилась мать.

— И знаешь, мама, он еще сказал, что, наверно, Норку после дрессировки обратно в наш город вернут. Она ведь знает все улицы и будет хорошо водить слепого. Понимаешь?

— Понимаю, сынок, но не очень, — улыбнулась мать.

В разговор вмешалась Таня:

— Чудак ты, Борис! Он разыграл тебя, как мальчишку, а ты и поверил.

— Ничего не разыграл, — насупился Борис. — Он правду говорил.

— Совсем ты у меня собачником заделался, — улыбнулась мать.

Она протянула руку и хотела погладить сына по голове, но Борис отклонился:

— Вы всё еще думаете, что я маленький…

Надежда Васильевна обняла детей и, прижимая к себе, проговорила ласково и укоризненно:

— Ну будет вам колоться. Какие вы у меня ежики — дотронуться нельзя…

Трудная дрессировка

Норку привезли в спецшколу, в дачное Подмосковье.

Кругом были зеленые луга, рощи, светлые пруды. Деревянные дома окружены садами и огородами.

Собаки, привезенные из многих городов на специальную дрессировку в школу, размещались каждая отдельно в просторной вольере, обнесенной высокими стальными решетками.

В середине каждой вольеры — небольшая землянка-конура.

Жить в ней собаке очень удобно: летом в ней прохладно, а зимой тепло.

Первое время собаки, оторванные от родного дома, где они выросли, вели себя неспокойно: бегали по вольере от стенки к стенке и тревожно лаяли.

Тосковала по своему дому и Норка. У нее был грустный вид. Она тяжело вздыхала, временами позевывала, а иногда тихо скулила, будто жаловалась на свою горькую судьбу.

А вечерами она поднимала узкую морду кверху

и протяжно тянула однотонную, тоскливую песню: «А-у… у-у!»

Новый хозяин — дрессировщик Васильев — успокаивал Норку:

— Ну что ты, дурочка, завыла, а? Скоро работать начнем, и всю твою тоску как рукой снимет.

Собака прислушивалась к спокойному голосу Васильева, пристально смотрела ему в глаза и постепенно затихала. Он выводил ее на прогулку, но не спускал с длинного поводка, и она не могла резвиться так, как резвилась на воле с Борисом. Новый ее хозяин был тоже хорошим, хотя и более строгим, чем Борис. Он кормил ее пахучим мясным супом, чистил щеткой и купал в пруду. Ей было приятно, и она быстро привыкла к новому хозяину, а потом охотно стала выполнять все то, чему ее научили в клубе: «Ко мне!», «Сидеть!», «Гуляй!», «На место!», «Стоять!».

Однажды Васильев привел Норку в рощу, на большую поляну, где был оборудован какой-то странный городок: тут стояли одноэтажные фанерные домики, на стенах которых висели настоящие почтовые ящики, вдоль домиков протянулись асфальтовые тротуары, кое-где были лестницы и столбы, рвы с деревянными мостиками, ямы, лужи, тумбы и даже узкоколейная

железная дорога с переездом и шлагбаумом.

Васильев надел на Норку кожаную шлейку, она плотно обхватывала шею и грудь собаки. На спине от шлейки вверх торчала тонкая стальная дуга. Дрессировщик уцепился за эту дугу левой рукой, как за поводок, а в правую руку взял трость. Затем он подал команду «Вперед, тихо» и пошел вслед за собакой, ощупывая тростью землю. Он уподоблялся слепому, не закрывая, однако, глаз, и учил собаку двигаться по свободному тротуару, на правой стороне улицы. Иногда он плотно закрывал глаза, чтобы яснее себе представить, как слепой чувствует себя. На миг Васильев погружался в темную бездну и тут же открывал глаза. Тяжело было без при вычки. Будто в подземелье каком-то, и не знаешь, куда идти.

Норка шла послушно — ведь это так нетрудно. Но ее надо было научить понимать и обходить все «человеческие» препятствия — вернее, препятствия для слепого. Сначала она стремилась «срезать углы» при переходе через улицу, как это делают обыкновенно все собаки, а через небольшие препятствия пыталась прыгать и тащила за собой человека. Но Васильев не шел за ней, он упирался и говорил строго: «Нельзя!» Норка оттопыривала одно ухо и отрывисто лаяла: «Ам!»

Вероятно, она спрашивала: «В чем дело?» Она по-своему недоумевала: почему это улицы надо переходить непременно на перекрестках, да еще под прямым углом? И почему сильный человек не может перепрыгнуть небольшой ровик или бревно? Васильев осторожно обходил бревно стороной, а через ровик переходил по мостику. Так должен поступать слепой. Когда Норка стремилась перепрыгнуть небольшие предметы, лежащие на ее пути, Васильев спускал поводок до земли и задевал им за этот предмет. Собака рвалась вперед, а поводок больно дергал ее назад. Да, лучше уж обойти сто роной. Эти предметы Норка быстро научилась обходить, но препятствий выше ее роста она не чувствовала. Но ведь там, где собака пробегала свободно, не глядя вверх и не замечая препятствия, человек может задеть головой. Васильев останавливал Норку перед высокой перекладиной и, постукивая по ней палкой, говорил: «Нельзя, обход» — и при этом тянул собаку за поводок в сторону. Нет, она все-таки не чувствова ла никакой опасности в этом препятствии и старалась прошмыгнуть под перекладину. Тогда Васильев сделал так, что перекладина упала на Норку в тот момент, когда она хотела пройти под ней, и больно стукнула

по шее. После такой неприятности Норка стала посматривать вверх и обходить всякое высокое препятствие, расположенное на уровне человеческого роста и даже выше.

— Ну как, Норка, теперь поняла? То-то, упрямая… — сказал Васильев и улыбнулся.

После каждого исполненного приказания хозяин говорил ей: «Хорошо… хорошо…» — и поглаживал при этом по голове сильной мягкой рукой. А то и давал кусочек вкусного вареного мяса. На ремешке, перекинутом через плечо, висела у Васильева парусиновая сумочка. Как только Васильев опускал в нее руку, собака нетерпеливо переступала с ноги на ногу и не сводила с него влажно блестевших темных глаз. Получив кусочек мяса, Норка виляла хвостом и беззвучно оскаливала большие белые зубы, будто смеялась от удовольствия.

Васильев научил ее уступать дорогу машинам, повозкам, верховым, но бесшумному велосипеду, к которому Норка привыкла у Бориса, она не хотела уступать дорогу. А ведь велосипед может сшибить слепого. Пришлось во время дрессировки нарочно наехать на нее. Норка обозлилась и стала бросаться на всех велосипедистов. Пришлось отучать ее от этой дурной привычки.

Через два месяца дрессировки в лесном городке Васильев направился с Норкой на окраину Москвы.

Попав на бойкую городскую улицу, Норка сначала испугалась и попыталась увести «слепого» в боковые, более тихие улицы. Но Васильев ее не пускал.

— Нельзя, прямо вперед! — строго приказал он.

Попробовал Васильев обратить внимание Норки на световые сигналы уличного движения, но она не поняла их. Она от природы страдала, как и все ее сородичи, дальтонизмом — не различала цветов. Но зато, приученная понимать жесты, она замечала изменения в положении милиционера-регулировщика. Когда милиционер своей полосатой палочкой приостанавливал движение машин, Норка смело устремлялась впе ред, ведя за собой хозяина.

Наконец Васильев повел ее туда, где было особенно много людей: на вокзал, базар и в скверы. Норка шла точно прикованная к своему хозяину и не проявляла к людям никакого интереса, кроме одного: как бы не столкнуться с ними и свободно провести своего «беспомощного» хозяина. А хозяин иногда так притворялся слепым, что даже надолго закрывал глаза и шел за обу-

ченной собакой свободно, смело, не чувствуя уже никакого страха перед черной бездной. Он шел за своим поводырем и думал: «Хорошо… хорошо… Мой неизвестный друг — слепой — получит надежную опору в ходьбе».

Через три месяца такой специальной подготовки был устроен выпускной экзамен собакам — поводырям слепых. Каждый дрессировщик подготовил несколько собак, и теперь учителя волновались за своих «учеников». Не сорвутся ли?

Ведь столько в них вложено терпеливого, настойчивого труда…

Васильеву завязали глаза, и Норка безукоризненно точно провела его через все препятствия. Председателем экзаменационной комиссии был профессор Киселёв из института физиологии. С бородкой клином, в пенсне, он чем-то напоминал Чехова. Профессор пожимал Васильеву руку и говорил, заглядывая ему в глаза:

— Спасибо, товарищ Васильев, очень хорошо вы поработали. Ваши поводыри будут надежными друзьями инвалидов. Но нам надо теперь проверить собак в работе не только по заученным маршрутам. Смогут ли они самостоятельно ориентироваться в городе?.. Вы понимаете меня,

товарищ Васильев? — Да, понимаю, Михаил Иванович, — ответил Васильев.

— Ну так вот вы и проверьте это, когда передадите Норку по назначению. Собственно, поэтому мы и посылаем собак в их родные места, которые они хорошо знают.

Мастер тонкой кисти

Перед войной Николай Ильич Малинин работал художником по тканям на текстильной фабрике. Он пытливо изучал мастерство старых умельцев тонкой кисти, ходил на луга, в сады и в лес, зарисовывая цветы с натуры.

Создал Малинин два своеобразных текстильных рисунка: один был на шелковое полотно, с небесно-голубой и золотисто-солнечной полосками, а другой — на майю[7] для детей, и назвал его Николай Ильич «Лесной полянкой». По белому полю причудливо рассыпаны лепестки цветов, листочки, ветви, ягоды земляники, грибки с красной шляпкой. А среди этих алых фигурок мелькало маленькое солнышко с красным ободком. Приглядишься и заметишь — солнышко улыбается…

---

[7] Примечания: 7
Ма́йя — легкая хлопчатобумажная ткань.

Но творческая работа художника Малинина вскоре была прервана войной.

Уходя на фронт, он сказал жене:

— Маша, побереги мои эскизы… Я вернусь и закончу их…

На фронте он был командиром орудия. Однажды на их огневую позицию противник обрушил огонь минометов, и Малинина, с изуродованным лицом, в тяжелом состоянии, эвакуировали в госпиталь.

В тыловом госпитале, на Урале, он пролежал целый год, а затем приехал в родной город.

Светлый мир солнца и красок, который так любил Николай Ильич, исчез для него навсегда и сменился вечной темнотой. Он уже не чувствовал фронтового своего ранения — оно давно зажило, затянулось рубцом, а ранение другое, душевное, не давало ему покоя.

Находясь дома безо всякого дела, он страдал. Подолгу на ощупь перебирал свои довоенные эскизы и мысленно вспоминал цветистые рисунки.

Однажды Мария, наблюдая за мужем, сказала ему:

— Коля, я заходила в госпиталь инвалидов войны. У них нет массажиста, а нужда в нем

большая… Как ты думаешь, а?

Еще в госпитале, в группе выздоравливающих, он научился массировать. Как-то при обходе раненых начальник госпиталя сказал Николаю Ильичу: — Я вижу, вы скучаете без дела, товарищ Малинин.

Займитесь массажем. Полезное дело. Пригодится…

Послушался Николай Ильич доброго совета и охотно принялся за дело.

Вернувшись в свой город, он сначала как-то и не думал о том, чем будет заниматься. Но без дела скучно стало жить, просто невозможно. И как кстати теперь заговорила Мария о работе! Он обнял жену за плечи и ласково проговорил:

— Машенька, умница ты моя дорогая… Спасибо.

Работая, он убедился в том, что массаж делает чудеса. Кажется, навсегда после тяжелого ранения окостенеет сустав, но усиленный ежедневный массаж и упражнение ноги постепенно возвращают суставу его нормальную подвижность, и, глядишь, инвалид начинает ходить все лучше, свободнее, веселее.

И как приятно сознавать, что это дело твоих рук, твоего труда! Больные любили его сильные,

горячие руки, и Николай Ильич почувствовал, что он нужен людям, полезен им.

А тут еще родился сын. Мальчик был крепкий, черноволосый и кареглазый. Знакомые часто говорили:

— Смотрите, весь в отца… А глаза-то, глаза, как угольки. И тогда пришла, вернулась к Николаю Ильичу прежняя радость жизни. Лишь одно его всегда волновало. Потеряв в битве с фашизмом зрение, войну он представлял себе сплошной черной ночью и поэтому жгуче ненавидел тех, кто готовил для человечества эту ночь. Николай Ильич хорошо знал свой город, где он родился и вырос, и ходил на работу без поводыря. Да и некому было водить его. Мария, став директором школы, целый день находилась на работе, а дочка Леночка училась.

Движение в городе после войны сильно выросло, и стало небезопасно переходить улицы, где шумы нередко так переплетались между собой, что трудно было уловить из них тот, который нес слепому опасность.

Однажды вызвали Марию Павловну в городской Совет и сказали:

— Мы послали в Москву заявку на собаку-поводыря для вашего мужа. Да, собаку. Не удивляйтесь,

Мария Павловна. Дело это, правда, новое, но, говорят, надежное. Собаку привезет специальный инструктор.

Мария сообщила мужу эту новость, не скрыв своего сомнения. Николай Ильич растрогался, но четвероногого поводыря он никак себе не представлял. А Леночка, услышав разговор родителей и опасаясь, что они откажутся от собаки, радостно всплеснула ладошками:

— Пусть привозят! Я с ней играть буду…

Возвращение

Когда Васильев вел Норку по городу, она смело и свободно шла по улицам: вероятно, узнавала родные места.

Семья Николая Ильича жила в новом четырехэтажном доме, недалеко от фабрики. Возле дома был обширный двор, по краям которого росли молодые акации. В углу двора в большой куче золотисто-желтого песка копались маленькие дети. Девочки-школьницы перебрасывали из рук в руки мяч. Среди малышей вдруг возникла драка.

— Витя, оставь! — закричала светловолосая девочка, разнимая драчунов. — Нельзя драться. Ну что ты такой буян…

Черноволосый мальчик надул губы и, насупив

брови, проговорил угрожающе:

— Дам! — Потом он увидел вдруг откуда-то появившуюся собаку и, просияв, крикнул: — Вавака!

Все дети мгновенно прекратили игры. Во двор входил человек в гимнастерке, с крупной собакой, похожей на волка.

Девочка оставила брата и побежала к дому:

— Папа! Мама! Посмотрите, какую собаку нам привели! Как волк!

Норка недоверчиво озиралась по сторонам, плотно прижимаясь к ноге своего хозяина. Здесь все для нее было чужим.

Они вошли в просторную гостиную. Мария Павловна указала гостю на стул, а сама вышла в другую комнату. Васильев огляделся. Все было обычным: чистым, красивым и простым, но необычное гость увидел на стенах. Они были увешаны цветистыми рисунками в рамках. Тут были огненно-алые тюльпаны, синие васильки, белые и розовые ромашки, гвоздика, анютины глазки, красные гроздья рябины. Некоторые же рисунки состояли из каких-то полосочек, точек, завитушек, горошин, но в таком сочетании, что рисунок казался привлекательным. Все эти рисунки отражались в зеркале, и казалось, что там,

за стеклом, еще одна такая красивая комната. Васильев хотел было подняться со стула и подойти к стене, чтобы рассмотреть рисунки поближе, как услышал голос девочки.

— Дяденька, а можно ее погладить? — спросила она и, не дожидаясь разрешения, протянула руку к голове Норки.

Собака сдержанно прорычала «рр-р-р…», и девочка испуганно отдернула руку: — Ой, какая злая!

В это время из другой комнаты показался Николай Ильич. Он так свободно шел по комнате, будто был зрячим.

— Здравствуйте, — сказал он, безошибочно протягивая руку Васильеву. — Папа, как же она будет тебя водить, такая злюка? — разочарованно спросила Лена.

— Вот в том-то и дело, дочка, что надо с ней подружиться.

— Это вы верно, Николай Ильич, сказали. Надо вам теперь завоевать доверие и любовь Норки, но прежде всего я должен подружиться с вами. Иначе Норка не признает вас. Она ведь у нас с характером. А тебе, девочка, надо с ней поосторожнее быть, пока она не привыкнет.

В это время через полуоткрытую дверь со двора,

косолапо шагая и сопя, вошел черноглазый Витя и, смело подойдя к собаке, погладил ее по морде.

— Маленькая, — проговорил он.

Все, что очень нравилось Вите, он называл «маленькая». Так его самого называли родители.

— Мама! Она укусит его! — закричала Лена.

— Тише… — остановил ее Васильев.

Норка спокойно взглянула на малыша и вильнула хвостом.

— Не пугайтесь, — сказал Васильев, — даже самые злые собаки не трогают маленьких детей.

— Почему так? — удивленно спросила Лена.

— Наверно, чувствуют, что малыши не могут причинить им никакой боли? — спросила Мария Павловна.

— Безусловно, — подтвердил Васильев.

— Ну а я для нее большая, что ли? — обиженно сказала Лена.

— Ишь какая хитрая! — улыбнулась Мария Павловна. — То все твердит, что большая, а сейчас захотелось быть вдруг маленькой.

— Ну и не буду дружить с ней, подумаешь…

Норка инстинктивно разделяла всех людей на друзей, которые были близки ее хозяину, и к этим людям она относилась доверчиво, и на чужих, которые были далеки от хозяина. Эти люди были

ей безразличны, и к ним она относилась со скрытой недоверчивостью. Васильев дружит с новым для нее человеком, он вместе с ним ест за одним столом, ходит по городу, мирно беседует, и Норка, сопровождая их, стала относиться к Николаю Ильичу спокойно, дружелюбно.

Попробовал Николай Ильич ее кормить, но она не приняла пищу и даже отошла подальше от него. А сейчас Васильев приказывает ей принять от Николая Ильича. Он говорит строго и ободряюще:

— Можно, Норка, можно… Ешь.

Собака вяло подходила к кормушке и с предосторожностью, нехотя, поедала угощение, посматривая то на Васильева, то на Николая Ильича. Всем своим равнодушно-подневольным видом она как будто хотела сказать новому человеку: «Ну что ж, если так хочет мой хозяин, я съем свой обед, сделаю вам такое одолжение, но на мою дружбу вы все равно не рассчитывайте…»

Потом Васильев стал уходить из дому как раз в те часы, когда надо было кормить собаку, и Норка стала принимать пищу от Николая Ильича, не оказывая при этом новому кормильцу никаких особых признаков внимания.

Попыталась ухаживать за Норкой и Лена, но

Васильев категорически запретил: — Нельзя, Леночка. Иначе она не привыкнет к папе и не будет его водить.

— Но ведь мы вместе живем… — обиженно протянула Лена.

— Ты не расстраивайся, Леночка, — успокоил ее Васильев. — Норка все поймет, когда я уеду от вас и она привыкнет к папе. Вот тогда и ты будешь ухаживать за ней.

— Дядя Ваня, а почему вы ей разрешаете играть с Витей?..

— Потому что он маленький.

Получилось так, что после первого же смелого знакомства Витя приобрел у Норки какое-то особое расположение.

Он не только гладил ее, но даже трепал за уши и брал за нос.

Норка играла с ним: бегала по комнате, приседала и взлаивала. Витя гонялся за ней и весело смеялся.

Однажды Васильев ушел на целые сутки, и Норке пришлось остаться одной в семье Малининых. Среди членов семьи она уже заметно предпочитала Николая Ильича: все приятное теперь исходит от него, он такой спокойный, добрый. Правда, он не такой уверенно-строгий, как Васильев, но

зато он ничего от нее не требует. Лишь кормит и ласково говорит: «Норка, Норка».

Вечером она забеспокоилась. Подошла к двери и, царапая ее лапами, заскулила, попросилась на волю. Очевидно, она хотела найти Васильева.

— Нельзя, Норка, нельзя, — сказал Николай Ильич, — ложись…

Не дождавшись хозяина, поздним вечером Норка легла около пустого дивана, на котором спал Васильев. А ночью Николай Ильич проснулся и услышал около своей койки сопящее дыхание собаки. Она лежала на полу, свернувшись клубком. Николай Ильич прошептал: «Норка!» — и легонько погладил ее по голове. В ответ на ласку собака сдержанно, один раз, лизнула ему руку и осталась с ним рядом до утра.

Потом Васильев совсем ушел от Малининых на другую квартиру, недалеко от них, и заходил к ним лишь изредка. А Норка уже так привыкла к Николаю Ильичу, что стала выполнять его простые команды: «Сидеть!», «Гуляй!», «Лежать!». Делать это было легко, тем более что всякий раз она получала от Николая Ильича кусочек вкусной колбасы.

Прошло две недели. Васильев надел на собаку шлейку, а поводок пристегнул к поясному ремню

слепого. Правее Николая Ильича пошел Васильев, подав Норке команду:

— Вперед!

Норка охотно пошла. Они повернули налево, затем пересекли улицу. Норка точно выполняла все команды Васильева.

На другой день они отправились опять на работу, но Васильев шел уже не рядом с Николаем Ильичом, а по левой стороне улицы, изредка посматривая на них. Команду подавал Николай Ильич сам. Норка издали, через улицу, видела Васильева и точно выполняла приказания Николая Ильича, который шел по знакомому маршруту, в госпиталь. Там Васильев угостил собаку мясным супом. Но все же, когда Норка видела Васильева вблизи, она порывалась подойти к нему, а он сурово взглядывал на нее и даже грозил хлыстом. По-своему Норка, вероятно, недоумевала: почему Васильев вдруг так переменился к ней?..

Тяжело отвыкать от друга, который по непонятной причине вдруг становится холодным, грубым.

Опасная встреча

Через несколько дней Васильев пустил Николая Ильича одного с Норкой. Николай Ильич

хорошо знал свой маршрут на работу и следил за тем, чтобы Норка не сбила его с пути.

Но нет. Оказывается, она запомнила этот маршрут и вела его точно по тем же улицам, где они проходили в предыдущие дни. Норка даже запомнила и трамвайную остановку, где они садились. Подведя Николая Ильича к трамваю, она потянула его к передней площадке. Зайдя в трамвай, Норка подошла к передним сиденьям и выжидающе посмотрела на людей. Она привыкла к тому, чтобы люди уступали место ее хозяину. К этому ее приучил Васильев. А люди и не заставили себя ждать. С сиденья сразу поднялись две девочки-первоклассницы и проговорили одновременно:

— Пожалуйста, пожалуйста… Садитесь.

Николай Ильич сел, а Норка забралась под скамью и лежала там до тех пор, пока не услышала команду своего хозяина: «Встать!»

Они уже подходили к госпиталю, когда Николай Ильич услышал радостный мальчишеский возглас:

— Норка! Норка!..

Судя по голосу, мальчик был где-то слева, на другой стороне улицы. Норка вздрогнула и остановилась: какой знакомый голос!

Николай Ильич услышал приближающийся к

нему топот ног. Он решил, что это кто-то из его знакомых, которого он не узнал по голосу.

— Тебе чего, мальчик? — спросил он подбежавшего к нему человека.

— Это моя Норка… — услышал он взволнованный голос.

— Как — твоя?

— А так и моя… Я ее воспитал, а потом ее в спецшколу взяли. Она теперь у вас, да?

— У меня…

Не отходя от ноги Николая Ильича, собака вильнула хвостом, Николай Ильич почувствовал на ноге мягкие удары пушистого хвоста. Но вот Норка отстранилась от его ноги и потянулась к мальчику. Николай Ильич дернул за поводок и строго приказал:

— Нельзя, Норка. Стоять!

А потом уже приветливо сказал:

— Я тороплюсь, мальчик, на работу. Ты приходи к нам домой. Только в выходной день. Я дома буду.

И назвал свой адрес.

— Ладно, приду, — обрадовался Борис. — Обязательно приду.

— Вперед! — подал команду Николай Ильич.

Норка послушно пошла впереди Николая Ильи-

ча, лишь один раз оглянувшись назад, на своего прежнего хозяина, с которым когда-то так весело было играть…

Борис долго стоял на месте и смотрел им вслед, пока они не скрылись в дверях госпиталя. Ему было и приятно, оттого что его Норка теперь службу несет, и в то же время досадно и грустно: она уже не принадлежит ему.

Дома Николай Ильич весело рассказывал о встрече с мальчиком, но Васильев не одобрил гостеприимства Мали нина:

— Конечно, эта встреча рано или поздно должна была произойти. Но вы, Николай Ильич, напрасно пригласили его к себе. Норка должна знать только ваш дом и одного вас.

Иначе вы ее можете потерять как вожатого…

В воскресенье Борис оделся в белый полотняный костюм и сказал деловито:

— Пойду посмотрю, как моя Норка у нового хозяина живет.

— Поди, поди, сынок, — одобрительно сказала мать.

Борис ушел к Малининым, но быстро вернулся домой.

— Ты что так скоро вернулся? — удивленно спросила мать. — Не видел свою Норку?

— Да, увидишь теперь! Даже на порог не пустили.

— Почему так?

— А потому, что, наверно, боятся, как бы я не переманил ее к себе…

— Но теперь же она не твоя… — иронически заметила Таня.

— Ну и пусть! Все равно *я* ее воспитал.

— Так чего же ты надулся? — сказала мать. — Ты сделал свое дело — и хорошо.

— Да ничего… Просто обидно! Даже взглянуть не дали…

Спасибо, говорят, тебе, мальчик, за твою работу, но только не надо Норку расстраивать. А то она слушаться не будет…

— А пожалуй, Боря, они правы. Ты же сам всегда говорил, что собака должна знать одного хозяина.

Борис чувствовал правду в словах матери, но все-таки продолжал твердить о своей обиде:

— Заходи, говорят, мальчик, к нам тогда, когда Норка уйдет на работу…

— Одним словом, приходите, гости, когда нас дома не будет, — насмешливо проговорила Таня. — Интересно!

— И щенка от Норки пообещали… — сумрачно

добавил Борис.

Таня будто обиделась за брата:

— Они к тебе, Борис, отнеслись как к маленькому: чтобы успокоить, куклёнка пообещали.

— Не кукленка, а породистого щенка! — поправил сердито Борис.

— Ну, во всяком случае, я считаю, что от одной встречи Норка не испортилась бы, — заметила Таня.

Борис вспылил:

— А чего ты понимаешь в этом деле! «Не испортилась, не испортилась»!.. А вот, может быть, взяла и испортилась бы!

Маленькое приключение

Норка уже хорошо освоилась с тремя маршрутами — на работу, в городской сад и в гастроном. В магазине она подводила Николая Ильича сначала к кассе, а потом к прилавку. Так научил ее Васильев.

Прожив у Николая Ильича почти месяц, Норка стала точно ориентироваться во времени. Это было нетрудно ей усвоить, потому что день у Николая Ильича был строго размерен по часам: с утра — на работу, потом — отдых, прогулка. В восемь часов утра Норка просила завтрак, а в

девять подходила к двери и царапала ее лапами, посматривая на хозяина, будто хотела напомнить: «Пора идти на работу».

Норка совсем привыкла к новому хозяину и к новому дому, но она не переносила в квартире темноты, которую не ощущал Николай Ильич. Случалось иногда так, что Николай Ильич заходил с ней в дом вечером, когда в квартире никого не было. Норка требовательно взлаивала до тех пор, пока Николай Ильич не включал свет, который совсем не нужен был ее новому хозяину.

В центре города, около театра, раскинулся небольшой парк. Кое-где в тени деревьев стояли скамьи, а в центре парка бил фонтан из огромного клюва каменного пеликана. Против фонтана, на высоком постаменте, стоял гипсовый малыш в коротких штанишках и беззвучно трубил в горн.

Вокруг фонтана на газонах цвели пионы, настурции, астры и мак.

Николай Ильич пришел сюда отдохнуть и заодно познакомить Норку с новым для нее маршрутом. Подойдя к входным открытым воротам парка, Николай Ильич отстегнул от ошейника поводок и произнес повелительно:

— Ищи! Норка, ищи!

Норка бросилась в парк и побежала по дорож-

кам, посматривая на скамьи, занятые людьми. Был воскресный день.

Норка озабоченно бегала по дорожкам, выискивая свободное место для своего хозяина. Нет, все занято. Николай Ильич неторопливо шел по центральной асфальтированной аллее, прощупывая дорожку тростью и ожидая сигнала от Норки. Не найдя свободного места, собака забежала в боковую тенистую аллею и остановилась как вкопанная против маленькой скамьи, занятой девушкой и юношей. Норка уставилась на них выжидающе и требовательно.

Девушка схватила юношу за руку и привстала со скамьи:

— Митя, я боюсь! Уйдем от нее.

— Ну вот еще, трусиха! — браво заговорил юноша. — Она, наверно, есть хочет. На, песик.

И он бросил собаке конфету. Норка даже не взглянула на подачку. Открыв пасть с острыми белыми зубами, она пролаяла громко и угрожающе. Девушка испуганно метнулась в сторону, а за ней торопливо пошел и бравый паренек, испуганно оглядываясь на странную собаку.

— И чего только надо этому волкодаву? — смущенно проговорил он.

— Она бешеная, наверно, — сказала девушка. —

Пойдем скорее, Митя!

Норка вспрыгнула на освободившуюся скамью и громко залаяла, давая сигнал своему хозяину.

Николай Ильич свернул в боковую аллею и подошел к скамье. Норка спрыгнула на землю и легла под скамью.

Юноша и девушка остановились.

— Смотри, Митя, — сказала девушка, — ведь это она нас прогнала, чтобы хозяина усадить. Вот умница!

Но паренек не разделил с ней восхищения:

— Тоже мне умницу нашла! Что мы, и без нее не уступили бы место ее хозяину? А то облаяла нас ни за что ни про что да еще грязью скамейку заляпала. Пожалуйста, садись, хозяин, «чистенько»!

Николай Ильич обмахнул скамью платком, постелил газету и сел. Услышав невдалеке разговор юноши с девушкой о его собаке, Николай Ильич наклонился, заглядывая под скамью, где лежала Норка, и проговорил укоризненно:

— Ну, Норка, ты сегодня, кажется, перестаралась немного… Тебя ведь не учили такой грубости.

Глядя на своего хозяина, Норка похлопала веками, а потом, глубоко вздохнув, положила голову на лапы и закрыла глаза. Вероятно, ее собачья «совесть» была спокойна: она помогла

хозяину хорошо устроиться, и чего он еще от нее требует?..

Большое испытание

Воскресенье — день молодежной эстафеты на приз областной газеты — выдалось светлое, солнечное и не жаркое. Ранним утром машина-поливалка вымыла гладкие мостовые, отчего они потемнели и стали точно лакированные.

По сторонам широкого Ленинского проспекта тянулись длинные шеренги молодых лип.

За час до начала соревнования трамвайное и автомобильное движение по маршруту эстафеты было приостановлено.

Тротуары наполнились праздничной толпой. Малышей родители несли на плечах. В толпе шныряли ребята. На всех углах и перекрестках стояли милиционеры в белых кителях и белых перчатках. Именно в этот день Васильев решил устроить Норке самое трудное испытание. Еще накануне он сказал Николаю Ильичу:

— Завтра будет самый удобный момент для этого испытания. Главный маршрут, по которому вы ходите с Норкой на работу, будет перекрыт, и в госпиталь можно будет пройти только по обходному пути, через Вокзальный мост. Это составит

крюк километра в полтора. Сможет ли она сама ориентироваться в этой сложной обстановке и довести вас до госпиталя?

— Ну что ж, проверим, — согласился Николай Ильич. — А помните, Иван Николаевич, недавний случай с Нор кой?

— Да, тогда Норка проявила себя очень интересно.

Как-то Николай Ильич возвращался из госпиталя домой.

Он точно знал, что от угла до поворота к их дому шестьдесят два шага. Этот путь он вымерил еще тогда, когда ходил без поводыря. Но сегодня Норка повела себя как-то странно: когда они дошли до поворота, собака не повернула домой, а потянула его вперед, дальше. Николай Ильич дернул за поводок:

— Норка, налево, домой!

Но собака тянула его по-прежнему вперед. Николай Ильич недоумевал. Что с ней вдруг случилось, почему она стала такой непослушной? Николай Ильич не знал, что впереди, у соседнего дома, играл его маленький сын. А Норка, заметив Витю, тянулась к нему. Николай Ильич решил позволить Норке пойти вперед, чтобы узнать, что же отвлекло Норку от их постоянного маршрута.

А Витя так заигрался с товарищами, что заметил отца и Норку только тогда, когда они уже совсем приблизились к нему.

— Па-па! — воскликнул он.

Пухлые щеки его были измазаны глиной, на лоб спускался крутой завиток черных волос. Подойдя к Норке, Витя обнял ее за шею рукой и проговорил:

— Нолка моя!..

Эта самостоятельность собаки тогда приятно удивила Николая Ильича, но сегодня ей предстоит задача более трудная; надо будет найти обходный путь, который пролегает правее от их привычной дороги, по направлению к Вокзальному мосту. Но повернет ли Норка направо от Главного моста, по которому они обычно ходили в госпиталь, или поведет хозяина налево и тогда не найдет перехода через реку?..

На трамвае они доехали до площади Городского Совета.

По случаю эстафеты трамвай дальше не шел. Выйдя из вагона, Васильев смешался с толпой и стал издали наблюдать за поведением Норки, не теряя Николая Ильича из виду. Собака оглянулась по сторонам как-то растерянно — она не видела здесь раньше такого скопления людей, — и на

миг ей, наверно, показалось, что они попали в незнакомое место. Тут толпами стояли зрители — болельщики за своих, — а подростки, юноши и девушки, одетые в разного цвета трусы, майки, брюки, топтались на месте или прохаживались, готовясь к стремительному броску.

Почувствовав нерешительность собаки, Николай Ильич подал команду:

— Норка, вперед!

Норка повела хозяина через сквер к часам, где обычно они поворачивали направо и шли по панели широкого проспекта.

Публика расступилась перед ними, образуя свободный проход. Послышались услужливые голоса: «Дайте проход!

Пожалуйста, проходите!» У выхода из сквера, около часов, стоял милиционер. Он загородил выход и остановил Николая Ильича, сказав при этом учтиво, но требовательно:

— Гражданин, здесь прохода нет. Прошу…

— Норка, назад! — скомандовал Николай Ильич и дернул за поводок.

Собака зарычала на милиционера, преградившего им дорогу, но, услышав повеление хозяина, умолкла и, взглянув на Николая Ильича, повернула обратно. Но куда же теперь идти? Куда вести

хозяина? А хозяин понял затруднение своего поводыря.

— Норка, работа, работа! — напомнил он настойчиво, повелительно.

Васильев, наблюдая издали, насторожился. Наступил важный момент: по какому пути поведет теперь Норка Николая Ильича?

Вот она повела его правее, через сквер, мимо фонтана, к пятиэтажной гостинице. В это время их заметил Сёма Кочетков, закадычный приятель Бориса Цветкова.

— Гляди, Борька, твоя Норка!

Борис оглянулся и увидел Николая Ильича с Норкой.

Они шли сквозь расступавшуюся перед ними толпу по направлению к гостинице.

Около гостиницы шла узкая улица, параллельная Ленинскому проспекту. Норка повела по ней Николая Ильича.

Пройдя два квартала, они вышли к горе, на которой высился огромный театр, окруженный с четырех сторон колоннадой. Отсюда хорошо был виден длинный и широкий проспект, по которому сейчас устремились в беге загорелые спортсмены.

За театром, ниже, — большой мост через реку.

По нему Норка не один раз водила своего хозяина, когда шли на работу. Именно сюда она привела Николая Ильича, обойдя главный маршрут по параллельной улице.

«Так, так, великолепно! — говорил про себя Васильев, наблюдая издали за поведением своей воспитанницы. — Посмотрим теперь, что ты будешь делать дальше…»

У моста милиционеры стояли сплошной цепью и никого не пропускали.

Норка остановилась перед живой стеной милиционеров и взглянула на хозяина так, будто спрашивала: «Как же теперь быть?..»

— Норка, назад! Работа, работа… — проговорил Николай Ильич.

Собака повернула назад и повела хозяина направо, по берегу реки.

— Так, так… — прошептал Малинин.

Ниже по течению, в полукилометре от Главного моста, был другой мост — Вокзальный.

По этому берегу Норка в прошлом году гуляла с Борисом, купалась и плавала в реке. А через Вокзальный мост они не один раз ходили в ветеринарную лечебницу, когда Норка поранила себе ногу.

Чтобы попасть в госпиталь, надо перейти этот

мост, затем пройти три квартала, свернуть налево, обойти новостройку рабочего городка и выйти на Красноармейскую улицу, где был госпиталь.

«Направление взяла правильно, — думал Васильев, следуя издали за Николаем Ильичом. — Но сможет ли она дальше ориентироваться?..»

Вот и широкий железобетонный мост. Норка повела хозяина по правой стороне, около стальных перил.

Позади что-то страшно загремело. Это шла машина с пучками полосового железа. Они свешивались сзади длинным хвостом, пружинились и лязгали. Норка вздрогнула и оглянулась.

Машина со стальным хвостом прогромыхала по мосту и скрылась за поворотом. — Норка, вперед! — приказал Николай Ильич.

Собака повела хозяина мимо маленьких трехоконных деревянных домиков старого города, который когда-то был похож на большое грязное село.

Норка повернула в узкий переулок и неожиданно уперлась в высокий забор новостройки рабочего городка. За оградой высились недостроенные четырехэтажные корпуса.

Норка остановилась, будто раздумывая, куда же идти, и повела направо.

Они обошли казавшийся бесконечно длинным забор, затем свернули налево и вышли на ту улицу, где был госпиталь. Норка привела Николая Ильича на работу по новому маршруту, который нашла сама.

Васильев широким шагом догнал Николая Ильича у госпиталя и необычно горячо заговорил:

— Ну, Николай Ильич, теперь я могу уверенно доложить профессору, что Норка сдала экзамен на самостоятельную ориентировку. Это ведь замечательно!..

Николай Ильич тут же угостил Норку колбасой, которую она любила больше всего. Он погладил ее по голове и сказал ободряюще, ласково: — Хорошо, Норка, хорошо!

Собака оскалила зубы, похлопала хвостом по ноге своего нового хозяина и тихо заскулила, будто запела какую-то свою, собачью, радостную песню.

До свидания!

Провожать Васильева пришли на вокзал Николай Ильич, Леночка и Борис Цветков. Бориса на вокзал пригласил Васильев. Он хотел сделать еще одно сложное испытание Норке, чтобы уехать от

Николая Ильича со спокойной душой.

Они сидели на скамье в привокзальном сквере, а Борис прохаживался в отдалении, не подавая никакого виду, что он их знает.

Вот они встали и пошли к вокзалу. Около широкой входной двери висел почтовый ящик. У ступеньки Норка остановилась.

Николай Ильич, прощупывая ступеньки тростью, вошел по ним на площадку. Доставая письмо из кармана, он нарочно обронил его, и оно отлетело в сторону.

— Норка, подай!

Норка схватила зубами письмо и подала его к рукам Николая Ильича.

— Хорошо, Норка, хорошо! — одобрительно сказал Николай Ильич и погладил собаку по голове.

Он опустил письмо в ящик, и они вошли в огромный, светлый вокзал с такими большими окнами, что казалось — это не окна, а стеклянные стены.

Николай Ильич крепко пожимал руку Васильеву:

— Большое вам спасибо, Иван Николаевич, за ваш труд! Норка у меня вроде глаз моих.

— Ну что вы... — смущенно проговорил Васильев. — Это мой долг. А вы напишите о ее работе

и поведении.

— Напишем. Обязательно напишем!

— Приезжайте к нам еще, дядя Ваня, — сказала Леночка, не сводя сияющих глаз с Васильева.

Они вышли на перрон в тот момент, когда скорый поезд подходил к вокзалу.

Публика хлынула к вагонам.

Васильев выждал немного и, когда перрон освободился, пошел к своему вагону. Поднявшись на ступеньки, крикнул:

— Норка, ко мне!

Норка вздрогнула, взглянула на Васильева, на Николая Ильича и не тронулась с места. Васильев улыбнулся.

— Прекрасно! — воскликнул он.

В это время откуда-то со стороны близко к Николаю Ильичу подошел Борис и показал Норке кусочек колбасы:

— Норка, возьми, возьми!

Собака вильнула хвостом и потянулась за лакомством.

— Нельзя! — строго запретил Николай Ильич.

Норка отвернулась от подачки и прижалась к ноге Николая Ильича, посматривая на Бориса. А тот повернулся и, уходя, крикнул:

— Норка, за мной!

Собака взглянула на Николая Ильича так, будто спрашивала его, можно ли ей пойти. Но хозяин стоит и молчит.

Нет, она не может его оставить. А Борис уходит с перрона, и вот он совсем скрылся за углом вокзала…

Собака услышала одобрительный голос Малинина:

— Хорошо, Норка, хорошо!..

— До свидания, дядя Ваня! — воскликнула Леночка и замахала рукой.

— До свида-ания! — крикнул Васильев.

Николай Ильич на прощание взмахнул рукой и подал команду:

— Норка, домой!

Собака натянула поводок и повела нового хозяина к выходу спокойно, неторопливо, посматривая настороженно вперед.